

РЕСПУБЛИКА УЗБЕКИСТАН
МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ҚУРБОНОВА СУРАЙЁ

**СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ НА АНГЛИЙСКОМ И УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКАХ**

5A120102 - Лингвистика (английский язык)

Диссертация написанный для получения академического степени магистр

Самарканд - 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение

I ГЛАВА. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАЛИНГВИСТИКИ

- 1.1. Паралингвистика-проблема использования неязыковых средств
в речевой коммуникаций.....
- 1.2. Субстанция и функция параязыка.....
- 1.3. Личность и параязык.....

Заключения по первой главе

II ГЛАВА. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ.

2.1. Параязык и субъект

*2.2. Фонация - паралингвистическое средство биологического
происхождения*

2.3. Жесты в системе параязыка.....

Заключения по второй главе

III ГЛАВА. ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПАРАЯЗЫКА

3.1. Паралингвистика и семиотика.....

3.2. Эвристическая функция параязыка.....

3.3. Язык и параязык.....

Заключения по третьей главы

Выводы

Иллюстрации

Список использованный литературы.

І ГЛАВА. ПАРАЛИНГВИСТИКА-ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИЙ

1.1. Субстанция и функция параязыка

Паралингвистика происходит от греческого “para” со значением “около” и “linguistics”-лингвистика. Паралингвистика является разделом языкознания, изучающий невербальные (неязыковые) средства, включенные речевое сообщение и передающие, вместе с вербальными средствами смысловую информацию. Кроме того, паралингвистика, как раздел языкознания, означает совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникаций.

В современном языкознаний различаются три вида паралингвистических средств: фонационные, кинетические и графические. К фонационным видам парадигматических средств относятся тембр речи, её темп, громкость, типы заполнительной паузы (-э-э-м-м- и другие) мелодические явления, а также особенности произношения звуков речи диалектные социальные и идиолектные.

К кинетическим компонентам относится жесты тип выбираемые позы, тишина.

Идиолект (от греч. *idios* - свой, своеобразный, особый и (диа)лект - совокупность формальных и стилистические особенностей, свойственных речи и отдельного носителя данного языка. Термин «идиолект» создан по модели термина «диалект» для обозначения индивидуального варьирования языка в отличие от территориального и социального варьирования, при котором те или иные речевые особенности присущи целым группам или коллективом говорящих. Идиолект в узком смысле - только специфические речевые особенности данного носителя языка: в таком аспекте изучение идиолект актуально прежде всего в поэтике, где основное внимание уделяется соотношению общих и индивидуальных характеристик речи

(стиля), а также в нейролингвистике где необходимо представить соотношение и индивидуальной и типовой клинических картин при различных видах расстройств речи (Афазия).

Нейролингвистика - научная дисциплина возникшая на стыке неврологии и лингвистики и изучающая систему языка в соотношения с мозговым субстратом языкового поведения. Эпизодические наблюдения расстройств языкового поведения при очаговых поражениях мозга известны с эпохи средневековья, но их систематических изучения начались во 2-й половине 19 века. В отечественной лингвистике интерес к фактам языковой патологии проявлению Бодуэн де Куртенэ, В. А. Богородицкий. Л.В. Щерба и другие.

К графическим видам паралингвистических средств является тип выполнения букв и пунктуационных языков (почерка), способы графических дополнений к буквам, их заменители (символы типа § и т.д.)

Субстрат (от лат. Sub-под и stratum-слой, пласт) - совокупность черт языковые системы. Невыводимых из внутренних законов развития данного языка субстрат предполагает этнические смещение и языковую ассимиляцию пришельцами коренного населения через стадию двуязычия.

В пределах паралингвистика различаются универсальные, этнолингвистические и идиолектные. Этнолингвистика (от греческого ethnos - народ, племя и лингвистика) - направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка. Представители подобного направления в России были Ф.И. Туснаев, А.К. Афанасев, А. А. Потебня и др.

Как самостоятельное направление этнолингвистика зародилось в недрах этнографии на рубеже 19-20 веках, получив широкое развитие в языкознании США с 70-х гг. 19 века в связи с интенсивным изучением многочисленных индейских племен северный, а затем и Центральный Америки. С 1-й четверти 20 века Ф. Боис и первое поколение его учеников

заложили новые традиции в американской лингвистике. Таким образом, в этот период возникает дескриптивная лингвистика которая исключает семантику из кругов лингвистических дисциплин.

Паралингвистические средства не только дополняют смысл вербального сообщения, но и являются источником информации о говорящем (пишущем) о его социальных и возрастных чертах поле, свойствах характера и прочие.

Хотя паралингвистические средства, не выходя в систему языка, не являются и речевыми единицами, тем не менее речевое сообщение не может быть фактом коммуникации без паралингвистические сопровождения. Поэтому паралингвистические средства в той или иной степени представлены в каждой речевой единице.

По отношению к вербальной стороне высказывания паралингвистические средства могут выполнять три функции: 1) вносить дополнительную информацию (иногда противоречащую смыслу вербальной): например, позитивный вербальный текст может сопровождаться фонационными характеристиками со значением отрицательного отношения и др.); 2) замещать пропущенный вербальный компонент «хочешь пойти с нами?» отрицать, жест; 3) комбинироваться с вербальными средствами, передавая тот же смысл «я хочу вот этот красный шар» + указать жест.

Паралингвистические средства не являются автономной и замкнутой семиотической системой, но могут быть как элементами упорядоченных семиотических невербальных систем (Кинесика), так и отдельными неупорядоченными в систему показателями.

Обязательно присутствуя в речевом сообщении, паралингвистические средства отличаются, однако, непредсказуемостью реального воплощения. Например, при произнесении определенного типа вопросы требуется заданная мелодика, но тип тембральной окраски остается неизвестным, поэтому тип мелодики есть языковой факт, а тип

тембра является паралингвистической.

Отдельные виды паралингвистических средств изучались ещё в 30-х гг. 20 века (работы Н.В. Юшманова по «экстранормальной фонетике»). Понятие паралингвистика было введено в 40-х гг. А.А. Хиллом, но основное развитие паралингвистики получила с начало 60-х гг. 20 века, когда языкознание вышло за пределы изучения только собственно языковой системы.

На современной стадии развития человеческого общества и его языка такое взаимодействие языковых и паралингвистических средств сформировало прагматический характер языка в общечеловеческом и национальном масштабе.

Общечеловеческие черты в этой прагматике будут относиться как некоторая универсалия к конкретным системам. Например, жесты как таковые - это общие качества, характерные для функционирования звукового языка, но особая система жестов будет относиться к данному национальному характеру паралингвистические средств, ибо она в каждом языке, у каждого народа приобретает свой особый самостоятельный смысл. Изучение национальных особенностей паралингвистические форм, участвующих в языковом общении, является поэтому такой же необходимостью, как и изучение самого языка.

1.2. Субстанция и функция параязыка

Социальные поведения человека при всем разнообразии конкретных исторических условий и места человека в обществе обусловлено, в первую очередь возможностью общения людей при помощи языка. Язык как непосредственное воплощение мышления материализирует процесс и результат познавательной деятельности человека и закрепляет в своей форме любой индивидуальный акт познания как общественную категорию.

Вербальная коммуникация является в этом смысле условием существования человека в обществе, дающим ему возможность развивать материальное производство как основу всякой жизни.

Язык является по своей функции орудием общения, материально-духовным образованием, вмещающим в себя все познавательное богатство человека в индивидуальном и общественном аспекте, закрепляющим в материальной форме его индивидуальное и общественное сознание. Исходя из фундаментального определения языка непосредственный действительности мысли, что в целом подтверждается данными современной науки в её различных аспектах (Лингвистика, психология, физиология), можно утверждать, что язык является единственным универсальным средством выражения всего процесса мышления человека. Это предпосылка дает основание говорить об абсолютной способности языка выражать как структуру, каркас мышления, так и заполнение этого каркаса любым понятийным содержанием.

Выразительные ресурсы языка складываются из суммы системных и структурных средств на всех уровнях его материальной субстанции.

Язык является первичной естественной формой выражения мысли человека. В этом смысле он (язык) - единственное, а следовательно, и достаточное средство выражения мышления.

Однако это не означает, что средства выражения мышления замыкаются лишь в звуковой материальной оболочке изолированы от всех

условий, из которых слагается конкретная ситуация общения.

Следует сказать, что языковое общение не происходит в вакууме, а участники коммуникации подвержены влиянию всех обстоятельств включаемых в ситуацию общения, осознание которых в той или иной степени содержится в речевых произведениях. Только на этом фоне язык раскрывает все свои выразительные возможности.

Процесс вербальной коммуникации происходит всегда в некоторой конкретной ситуации, содержащей множество факторов, имеющих значение для содержания самой коммуникации. Так, любой диалог, например, всегда «привязан» к конкретным лицам с особенностями их голоса, мимики, к контексту - теме разговора и т. д. Все эти условия преобразуют общую схему коммуникации и речевой акт с участием собственно языковых факторов, например, предположения с его структурой во взаимодействии со всеми привходящими факторами, как психическое состояние говорящего, его манера жестикюляции, присутствие посторонних лиц (что может быть причиной употребления «намёков» и т.д.).

Сознание необходимости включения в той или иной форме в сферу лингвистического исследования факторов, непосредственно сопровождающих речь, в современном языкознании отчетливо было выражено в «Тезисах Пражского кружка» (Пражский лингвистический кружок, М., 1967, стр. 25), в которых концепция функционального подхода языку естественно требовала расширения понятия «средства языкового общения». В связи с этим в указанных тезисах обращается внимание на то, что «следует систематически изучать жесты, сопровождающие и дополняющие устные проявления говорящего при его непосредственном общении со слушателем, жесты, имеющие значение для проблемы лингвистических региональных союзов».

Теоретически мыслимая возможность коммуникации, так сказать, в стерильных условиях сопряжена с созданием чисто логического языка, где

однозначность структуры строго определяет характер информации независимость любых условий. (I.C. Brown. Log lan a logical language, Gainesville, 1966: Требования к логическому языку у Брауна: 1) максимальная доступность; 2) нейтральность; 3) простота; 4) полнота; 5) однозначность).

Изучение процессов вербальной передачи информации, поэтому всегда должно опираться как на языковые, так и на неязыковые факторы (или артикулируемые и не артикулируемые знаки).

Два пиана языковой информации, отмечает, например, Р. Диксон, а именно значение внутреннее (internal) и внешнее (external), причем первое (internal) он относит к самому тексту, а второе (external) относит к ситуации. Только при учете их корреляции можно извлечь из языковой структуры действительное значения. «Только вес комплекс ситуации выявляет нам полное и настоящее значение речевого фрагмента» - отмечает Р. Диксон. (R. Dixon. What is language? London, 1965, ch.1)

В процессе развития языка сопутствующие обстоятельства при коммуникативном процессе могут быть типизированными, и на уровне некоторого обобщения эти факторы могут быть закреплены в конкретной сфере языкового общения. Эти знающие для языковой коммуникации внешние, экстралингвистические факторы закрепили свои связи с определенным речевым типом, в результате чего образовался симбиоз интра и экстралингвистических характеристик речевого акта.

Таким образом, несмотря на преходящий характер внешний обстоятельств, существуют некоторые стереотипы ситуаций, сопровождающие тот или иной тип коммуникации и определяющие то или иное конкретное содержание акта коммуникации.

Стандартность речевых ситуаций, возникающая на основе общих закономерностей коммуникаций, приводит к созданию устойчивого взаимодействия некоторых речевых образцов с паралингвистические средствами, специфическими для каждого конкретного языка. К такому

взаимодействию относятся, например, стереотип эллипса и указательного теста, вопроса - ответа и мимики, восклицательного предложения и особенностей голоса и т.д.

В живое речевое общение вплетено множество обстоятельств, сопровождающих как целое высказывание, так и его фрагменты, причем неязыковые факторы лишь сопутствуют речи. Все неязыковые факторы играют вспомогательную роль в общении, язык же играет главную роль, причем для него всегда открыта возможность использовать для сообщения только собственные средства. В данном случае не рассматриваются два явления, которые могут свидетельствовать о несколько иной роли неязыковых факторов: 1) язык глухонемых, где сущность жестов и символов может трактоваться двояко и как первичная (собственно языковая) система, и как вторичная (код - заместитель); 2) язык жестов у некоторых народов, который может рассматриваться как символическая система вторичного происхождения, существующая на базе естественного языка.

Паралингвистика является новой лингвистической дисциплиной, занимающейся изучением факторов, сопровождающих речевое общение и участвующих в передаче информации (от греч. пара - около). Префикс «пара» употребляется в настоящее время для обозначения разделов наук, занимающихся смежными сферами и являющихся вспомогательными по отношению к собственно предмету исследования (например, парапсихология).

В настоящее время название «паралингвистика» прочно утвердилось в языкознании для обозначения отрасли науки, занимающейся в целом сферой несловесной коммуникации.

Паралингвистический аспект представляет интерес для языкознания только в сочетании с изучением вербального общения. Случай так называемого чисто неязыкового общения. Случай так называемого чисто неязыкового общения (например, телепатия) лежат уже вне сферы

лингвистики и паралингвистики, и находится на стыке психологии с физиологической. (A. Barbara. Nonverbal communication “Journal of communication” 1963, № 13)

Процесс объединения собственно языковых и неязыковых факторов, сопутствующих однозначной передаче коммуникации, может быть объяснен двумя причинами: во-первых, определенный избыточностью выбора вербальных средств, во-вторых, материальной конкретностью коммуникативного процесса. Характер этого объединения весьма своеобразен, т.к. он не составляет органического соединения интра- и экстралингвистических факторов, а является по своему существу объединением, лежащим на поверхности языка.

Экстралингвистический фактор не может быть включен в структуру языка, так как система языка функционирует независимо от внешних факторов. В принципе языковая система сама по себе всегда достаточно, для того чтобы внутренними средствами выразить любое мыслительное содержания, включая чувства, волеизъявления и различного рода эмоции.

Однако возможная избыточность языка при полном вербальном раскрытии какого-либо содержания в естественных условиях снимается по разным причинам путем элиминирования чисто языковых средств.

Снятие избыточности речевого высказывания, диктуемое определенными целями коммуникации, когда фактически разрушается словесная коммуникация. Именно в этих условиях паралингвистические средства компенсируют недостающий минимум вербальной структуры высказывания.

При реализации высказывания за счёт собственной структуры языке в примере “Дайте мне ту книгу Дж. Лондона «Мартин Иден»” вся другие средства избыточны. При свёртывании этой фразы “Дайте мне ту книгу” с указанием книжный шкаф коммуникация не разрушается, так как здесь жест будет достаточно компенсировать значение “ту книгу”. При произнесении только “Дайте мне” не только снимается какая-либо

избыточность языка, но элиминируется и сам минимум, который необходим для понимания этой фразы. Для того чтобы восстановить информацию, содержащуюся в этой фразе, необходимо уже полное участие паралингвистических средств как компенсирующего фактора акта коммуникации.

Было бы вообще различать два понятия: а) паралингвистика - как наука о не собственно языковых средствах. Б) параязык - как совокупность самых средств, участвующих в языке коммуникации.

Однако в литературе в настоящее время бытует только термин «паралингвистика». Исследовательские работы в этом направлении проводилось историками культуры, филологии, психологами, антропологами и другими специалистами.

Круг вопросов обсуждавшихся первоначально в пределах паралингвистики, охватывая все виды кинесики (жесты, пантомимы), все виды фонации (говорения, вокальное искусства) и все виды общения (ситуативный контекст, диалог).

Начало научному изучению кинесики было положено Ч. Дарвином, который фундаментально исследовал вопрос о связи между происхождением языка и развитием жестов и мимики. (Ч. Дарвин. Собрание сочинений. Т.Ш.1908). Уже в XII веке было немало работ, посвященных изучению неязыковой коммуникаций. (R.L. Birdwhistell. *Paralanguage - 25 years after Sapir.* "Lectures on experimental psychiatry". Pittsburg, 1961).

Понятие «кинесика» в современной науке включает в себя выразительные телодвижения, участвующие в передаче информации в процессе коммуникации в животном мире так и к специфическому его виду в человеческом обществе в значительной мере объяснялся поисками универсальных закономерностей в любой системе знаков, рассматриваемой в семиотическом плане. Именно этот работах подобного рода Р. Бедвистели подверг анализу в этом аспекте систему телодвижений

человека - кинесики (R.L. Birdwhistell. Kinesics and context. Philad. 1970). Э.Холл пытался отграничу от языка зоосемиотеку - проксемику (E. Hall. «The silent language», 1959), что затеке более подробно сделали Т. Себеок, Л. Вест и одновременно В. Ситоко, исследовавший язык глухих в Америке - американский знаковый язык (The Zoosemiotics. «Language» 1963, 39).

Дж. Трейгер подробно интерпретировал звуковые средства, не входящие в словесный язык, и прочно утвердил сам термин «паралингвистика». (G. Trager. Paralanguage a First Approximation. “Studies in Linguistics” 1958, №13)

Как показывает дальнейшее развития паралингвистических изысканий, предложенное Дж. Трейгером понимание паралингвистики было значительно расширено. В эту область был включен весь комплекс кинетических явлений и ряд других семантических маркеров.

Функциональная понимания паралингвистических явлений, рассмотренных не в качестве самостоятельных семиотических средств, а средств, сопровождающих вербальную передачу информации, предполагает строгое отграничение всех звуковых, кинетических и других проявлений человеческого коммуникативного поведения от тех из них, которые входят в комплекс речевого поведения и языкового общения.

Несмотря на некоторые трудности отграничения экстралингвистики от паралингвистики, все же можно с большой определенностью утверждать, что область экстралингвистических факторов затрагивает функционирование и развитие всей системы языка в целом, как-то взаимодействия жизни общества и языка, влияние межнациональных связей на язык и другие социологические явления, соотношение материальных предметов и обозначений (номинация), в то время как паралингвистические факторы затрагивают лишь конкретное высказывание, участвуя в формировании однозначного сообщения.

Привлечение паралингвистических средств к участию в коммуникации диктуется не ущербностью языковой системы, каким-либо

пробелом в её структуре, а лишь обстоятельствами внешнего порядка, связанными с характером коммуникации. Если понятие «экономия» используется в лингвистике для решения задач развития и функционирования внутренней системы языка, то это же понятия применительно к использованию неязыковых средств приобретает совершенно иной смысл.

С точки зрения Р.А. Будагова, считающего, что «ни развитие, ни функционирование языка не определяются принципом «экономии», т.к. любой живой естественный язык пользуется всем новым и новым средствам выражения, новыми примерим коммуникации » (Р. А. Будагов. Определяет ли принцип экономии развитие и функционирование языка? - ВЯ, 1972. №1, стр. 35).

Применительно к системе языка экономия в одной области вызывает дифференциацию в другой, и таким образом постоянно поддерживается живое равновесие выразительных средств языка, гарантирующих однозначный процесс коммуникации.

Если сравнить две фразы, приводимые Р.А. Будаговыми: 1) он откладывал деньги на машину «Москвич» и 2) он откладывал «Москвич», то употребление второй более короткой, фразы не может рассматриваться как некоторая экономия средств, т. к. смысловая нагрузка на вторую фразу выпадает по контексту столь же большая, как и на первую. Вторая фраза может быть понята только в соответствующими контексте, и следовательно, функционирование её должно рассматриваться на более широком фоне, а не только на фоне экономии некоторых слов.

Если сравнивать две фразы: 1) Дайте мне ту книгу, в красном переплете, на третьей полке слева и 2) Дайте мне ту книгу (в сопровождении указательного жеста), то сопоставление этих фраз может идти в плане выявления экономии языка т.к. сам указательный жест не несет какой-либо дополнительной семантической нагрузки для структуры высказывания и «экономий» целый отрезок фразы. В этом смысле

экономность второй фразы не затрагивает самого принципа функционирования системы языка, но в конкретной коммуникации вторая фраза компактна и естественна для определенной ситуации.

Можно поэтому говорить об «экономном» построения речевого акт с использованием паралингвистических средств.

Использование жестов в языковой ситуации вообще не может рассматриваться точки зрения экономии в системе языке, однако нельзя не обратить внимание на то, что в конкретной коммуникации, как например, обычной диалог, использование жестов приводит к экономии «общения». Например, предложение «**Смотри!**» может подкрепляться одним указательным жестом. И только сама ситуация может дать ключ к пониманию этой фразы с возможным значением:

Обрати внимание на этой явление!

Вмешайся в эту ситуацию!

Не поступай подобным образом!

Таким образом, есть основания утверждать, что использование языка в паралингвистическом окружении является более экономным расходом собственно языковых средств.

Взаимодействие языковых и паралингвистических средств, безусловно, раскрывает функции языковых форм, прежде всего их многозначность, стилистические оттенки и т. д. Как отметил Х. Питкин: «Экстралингвистические явления имеют существенное значение для изучения языка, обычно включающее неязыковые поведение, без изучения которого не возможно глубокое понимания значения грамматических и лексических характеристик языка» (Н. Pitkin. "Method and theory in the perspective of anthropological linguistics". "Method and theory in linguistics". Monton, 1970.).

Имманентная лингвистика рассматривает язык вне связи исторического аспекта с экстралингвистическими факторами. Следовательно, паралингвистика наиболее тесно примыкает к собственно

лингвистике в той области, где начинаются исследования реальных условий акта общения.

Паралингвистика как отрасль науки о языке не существует с социалингвистикой, этнолингвистикой и т. д., а является, скорее, частью интралингвистики, поскольку изучение функционирования языка предполагает исследование, сопровождающими речевое общение и участвующими в передаче информации.

Лингвистика не может обойтись без объяснения той или иной структуры высказывания в случаях, когда это структура обусловлена участием каких-либо паралингвистических средств, и т. к. паралингвистика является функциональной частью коммуникации, то естественно, она должна входить в общую сферу интралингвистика. Таким образом, происходит соприкосновение и стыкование двух систем: первичной - языковой, и вторичной - паралингвистической как функционально языковой. В связи с этой задачей паралингвистики является изучение возможного свертывания структуры высказывания в условиях реального общения и анализ неязыковых элементов, служащих опорой для эксплицитного развертывания конкретного высказывания при восприятии сообщения.

1.3. Личность и параязык

Теперь рассмотрим одну область явлений, связанных с передачей в процессе коммуникации некоторой информации, но характеризующей не само высказывание и не ситуацию, связанную с содержанием высказывания, а самого субъекта, производящего речевой акт. Характеристика субъекта в этом случае, относящаяся к неязыковым данным, к области личности, например, характер его голоса (тембр, тон), особенности артикуляции (шепелявость, грассирование), ни в коей мере не может быть соотнесена со структурой высказывания, поскольку эти факторы не имеют никакого отношения к содержанию коммуникации.

Указанное обстоятельство является чисто биологической характеристикой субъекта, присущий ему как физическому лицу, а не как автору сообщения о некотором событии и явлении. Следовательно, в содержание и структуру высказывания не может быть подключен ни один из признаков самого субъекта, обнаруживаемых в физическом процессе речепроизводства. Характеристика субъекта в данном случае вообще не может являться областью какого-либо лингвистического исследования - она лежит вне параметров системы и структуры языка. Данная характеристика субъекта представляет собой предмет исследования в науках, изучающих человека как физический объект (биология, медицина и т. д.). к биологической характеристика субъекта могут быть отнесены все показатели его особенностей как физического индивидуума начиная от специфических артикуляционных данных (тембр голоса, интонация, громкость и т.д.) и кончая внешними выразительными данными (выражение глаза, поза при говорении, движение рук, покраснение щёк и т.д.)

В последнее время в лингвистической литературе возникла концепция, согласно которой целесообразно говорить паралингвистике не как о науке, изучающей совокупность неязыковых средств коммуникации,

а как об особой системе языка, отличающегося от звукового своей структурой.

В связи с тем, что, по Дж. Трейгеру, так называемый эмоциональный язык (Emotive Language) является сопровождением звуковой речи, различаются две стороны этого явления: вокализация и голосовые качества (G.J. Trager. Paralanguage: a First Approximation. "Studies in Linguistics", 1958, № 13).

На этом основании к сфере вокализации причисляются «характеризаторы» (смех, плач, шепот), «классификаторы» (высота тона) и так называемые разделители (междометия, кашель, чихание), а к голосовым качеством относятся языковые признаки артикулируемой речи (тон, тембр).

Таким образом, Дж. Трейгер, как не раз уже отмечалось в литературе (E. Stankevicz. Problems of Emotive Language. "Approaches to Semiotics..." The Hague, 1964, p. 239-260), с одной стороны, расширил предмет паралингвистики, включив него явления явно физиологического плана (смех, кашель), а с другой, - сузил его, ограничив лишь изучением «вокальных» данных.

Такое понимание паралингвистики дало повод для разнообразной интерпретации понятия «эмоциональный язык» как более широкой области передачи информации. Н.И. Смирнова утверждает, что в состав "Emotive Language" входят лексические и грамматические элементы, которым ситуативный контекст сообщил эмотивность, не присущую им в язык, кинетические явления (мимика, жесты, телодвижение) и паралингвизмы в понимании Дж. Трейгера (звуковыявления, сопровождающие речь, т.е. темп, интенсивность, высота основного тона, ритм, тембр). (Н.И. Смирнова. Паралингвизмы как часть смыслового и эмоционального фонда речи. ВИИЯ. Методический бюллетень. № 5. М., 1971, стр. 16).

Далее Н.И. Смирнова утверждает, что паралингвизмы кинетические

средства различны по своей субстанции, но служат одной цели: максимальному расширению информативности речи, без него общения людей было бы затруднённым.

Наглядным примером ошибочного истолкования паралингвистических средств в языковой коммуникации является анализ языкового диалога пациентки и врача. Приведем довольно пространные выдержки из работы (R. Pittenger, Ch. Hockett, I. Danehy. *The First Five Minutes*. Ithaca, NY, 1960).

В пятиминутном акте общения пациентки с врачом были замечены и зарегистрированы следующие паралингвистические явления:

1. паузы, их продолжительность, их значение;
2. вдохи и выдохи (с глоточным сжатием и без него), их продолжительность, их значение в передаче эмоционального состояния пациентки;
3. интенсификация гласных и согласных, продление и сила их звучания;
4. назализация, заполняющая паузы;
5. прерывистость в подаче речи, вызванная эмоциональным состоянием человека (например, слезами);
6. ускорение и замедление темпа, вызываемые различными состояниями человека: спокойствием, нервозностью и т.д. (пациентка произносила слова очень тихо - вызванное чувством стыда и обиды);
7. шепот, крик в акте общения;
8. сужение и расширение диапазона голоса при передаче информации, степень его сужения и расширения;
9. повышение и понижение основного тона и степени его повышения и понижения;
10. полнокровность звучания речи, вызванная степенью раскрытия рта;
11. сдавленность звучания речи, вызванная артикулированием звуков с почти закрытым ртом как результат эмоционального состояния;

12. неразборчивость и предельная слитность в речи, принимающих участие в артикуляции (при подавленности), и т.д.

Все эти многочисленные паралингвистические явления вызвал и выявил пятиминутный акт общения врача с пациенткой, обычный акт нормативная социальная ситуация общения. Начало этого акта, его содержание (Т- терапевт, Р - пациентка):

T: Will you sit there? What brings you here?

P: Everything's wrong. I get so irritable, tense, depressed. Just everything and everybody gets on my nerves.

T: Yeah.

P: I don't feel like talking, right now.

T: You don't? Do you sometimes?

P: T's the trouble. I get too wound up. I get started I'm all right.

T: Yeah? Well, perhaps you will.

P: May I smoke?

T: Sure.

Это обычная жалоба на раздражительность, и только никакой другой информации этот отрывок читающему не несет. Однако автором, которые слушали записанный разговор (его начало), он сказал гораздо больше. Паралингвистические явления, сопровождающие сообщение увеличении информации. ...- ответ пациентки - "Everything is Wrong/ I get so irritable, tense, depressed" производит на слушающих впечатление чего-то «отрепетированного», как будто бы пациентка приготовила свой ответ дома. Последнее предположение послужило основанием для прогнозирования: пациентка сама является медицинским работником. И этот прогноз слушающих в разговоре подтвердился. Пациентка оказалась медицинской сестрой.

Смысловую нагрузку несут и пауза, и глоточная смычка, и мелодический рисунок предложения: они о заданности, о предварительной подготовке сообщения. Сдавленность звучания на «I get so», снижение

громкости (больная тихо произносит эти слова) передают нежелание женщины говорить о своей раздражительности и подавленности и т.д. (Н.И. Смирнова. Паралингвизмы как часть смыслового и эмоционального фонда речи. ВИИЯ. Методический бюллетене № 5, М., 1971. стр. 16)

Как видно из приведенного изложения этого диалога и комментариев, опора информации в данном случае заложена целиком вне паралингвистической области, а заключение врача о состоянии пациентки строится частично на анамнезе, в основном же на основе физиологического состояния, хотя и сопровождается речью, высказываниями которые в данном случае служат языковыми образованиями, совершенно самостоятельной субстанцией в речевой функции, а другие информационные функции являются надстроечными и сопровождающими, но не определяющими само высказывание.

Роль вдоха, глухости голоса, замедленность может быть понята правильно только на основе информации, содержащейся в чисто языковой структуре (диалога). Ибо все другие заключения о состоянии пациентки безотносительно к тексту немедленно теряют свое значение, например, признак раздражительности вообще. В плане выявления этого признака голосовые и кинетические особенности поведения человека равноценны любому (инструментальному) медицинскому обследованию больного осуществляемому измерительными приборами: кровяное давление, двигательная реакция и т. д. Своей субстанцией в данном случае они связаны с голосом, но по функции - с психофизиологическим состоянием человека, а не с деятельностью сознания, выражаемого системой языковых средств.

Использование паралингвистических средств свойственно языку в его конкретном речевом оформлении, то можно бы полагать, что паралингвистика должна входить в теорию речевой деятельности или психолингвистику, если понимать под последней ещё более широкую научную область, нежели только теорию речевой деятельности.

Внутренняя основа паралингвистики кроется в функциональном использовании языка как относительно самостоятельной системы, а психологический механизм, порождающий употребление паралингвистических средств, не является непосредственным объектом исследования самой паралингвистики. Только непосредственная взаимосвязь имманентных и паралингвистических средств языка образует базу для выяснения функций этих средств, и поэтому паралингвистические средства, как язык, в целом могут подвергаться психолингвистическому исследованию в аспекте изучения всего порождающего языкового механизма.

Следует утверждать, что комплексное изучение собственно языковых средств и речевой деятельности в целом должно проводиться именно в общей теории коммуникации - в науке, становление которой происходит в настоящее время.

Замечание Р. Якобсона: «В настоящее время едва ли можно мыслить себе лингвистическое исследование без учета двух противоположных процедур: Устранения избыточности и использования избыточности» (Итоги IX Конгресса лингвистов. «Новое в Лингвистике», выпуск IV, М., 1965, стр. 580).

Требования к логическому языку у Брауна:

1. максимальная доступность;
2. нейтральность;
3. простота;
4. полнота;
5. однозначность (I.C. Brown. Loglan - a Logical Language. Gainesville, 1966).

II ГЛАВА. ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ЯЗЫКОВОЙ СИСТЕМЕ.

2.1. Параязык и субъект

Проблема так называемого «эмотивного языка» имеет отношение к более широкой проблеме выражение эмоционального аспекта вообще и характера его выражения языковыми средствами, в частности. Одним из дискуссионных вопросов в языкознании до сих пор остается вопрос о соотношении чувственного и рационального содержания языкового высказывания и о способах выражения чувственного в языковой структуре. Обычно полагают, что так называемый логическое содержание адекватно манифестируются формальными средствами языка (лексика, грамматика), о наслоение национального характера передаются не только, и может быть, несколькими строевыми элементами языка, сколько возможными формальными показателями, принадлежащими разным уровням языковой структуры.

К семантике с эмоциональным значением в самом широком смысле относятся все виды модальности, начиная от таких понятий как уверенность, предложение, вероятность до понятий радости, восторга, восклицание и т.д. Подобные содержание передается лексикой (например, модальные слова, междометие), грамматикой (наклонение), интонацией (эмфаза). К средствам выражения эмоциональности относятся и все окоязычные средства и в первую очередь жесты, мимика и т.д. который входит в состав паралингвистической сферы коммуникации.

Предполагается, что всякое высказывание в принципе может быть как бы двуслойным, состоящим из основного, предметно-логического содержание и оценочно-эмоционального; если первое (основное) передают некоторую информацию, то второе (оценочное, эмоциональное) выражает отношение говорящего субъекта к этой информации. Принята считать, что

для передачи некоторого сообщения о предмете, явлении используются основные однозначные средства языка, а для передачи всех видов эмоционального содержания привлекаются и все подобные околязыковые, т.е. паралингвистическим средства.

Подобное раздвоение содержания высказывания на рациональной и эмоциональной пласты часто ведут к прямолинейному перенесению методически удобной схемы на онтологические свойства самого объекта, т. е. создается иллюзия действительной двухслойности плана языкового содержания.

Чтобы правильно оценить роль паралингвистических средств в осуществлении коммуникации, необходимо прежде всего рассмотреть вопрос о правомерности расчленения содержания высказывания, осуществляемого языковыми средствами, на рациональный и эмоциональный пласты в онтологическом плане. Если исходить из того, что всякое сообщения, облекаемое в языковую форму является одноактным образованием как по времени по рождения, так и по существу внутреннего строения, то правомерность такого расчленения должна вызвать сомнение, основываясь на этом можно утверждать, что передаваемая информация, независимо от её характера, всегда будет представлять собой синтез, т.е. некоторое нерасчлененное по своей сущности единое содержание,

Важно обратить внимание на то, что поскольку высказывание есть всегда результат речевой деятельности субъекта, то оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме и по содержанию. Это относятся к любому высказыванию в принципе, ибо каждое высказывание всегда будет представлять собой результат взаимодействие человека (субъекта познания) с объективным миром.

Субъективность речевого высказывания определяется, таким образом, и тем существенным обстоятельством, что в нем заложено содержание, формируемое индивидуумом, которое построено абсолютно

зависимо от познавательного акта субъекта (человека).

Познавательный акт как фрагмент мыслительной деятельности человека по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметным высказыванием (понимание, обобщение, заключение, оценка и т.д.), что представляет «оценку» в самом широком её понимании. Оценка содержится повсюду, где происходит какое бы ни было соприкосновение субъекта познания с объективным миром и вербальное выражение этого соприкосновения. В простой констатации факта, например, в предложении «Зима!», в этом смысле также содержится какая-то определенная оценка, как и в высказывании «Какой прекрасный день!».

Продуктом субъективного по своему происхождению акта познания является некоторый смысл, реализуемый в языковой форме как тотальное явление (синтез эмоционального и рационального).

Поэтому должно быть исключено такое понимание строения высказывания, согласно которому в каждом речевом акте создается два познавательных акта человека (сообщение о предмете и оценка этого предмета). Значит, тотальное по-своему существу строению формальной структуре предложения. Рассмотрения содержания высказывания - единого и целого - в разные аспекты (предметном, модальном акте и т.д.) есть лишь теоретический анализ его, допустимый как и для всякого другого явления, есть схематическое расщепление онтологически единого объекта.

Нельзя упускать из виду, что многоаспектность анализа не означает многослойности состава предмета, а лишь его многосторонность, присущую единому целому. Это важно для грамматики обстоятельство означает, что структура предложения в формальном плане может интерпретироваться как единая лексико-грамматическая, в плане содержания - как единая высказывание (информации) с универсальным

логическим строением (кто-то, о чем-то), представляющие собой субъективное отражение и осмысление объективного, что согласуется с известным принципом отражения, которое представляет собой «субъективный образ объективного мира».

Такой подход требует, прежде всего, искать в структуре высказывания (предложения) единый комплекс средств, объединенных в формально-грамматическую структуру соответствующего содержания.

При таком называемом модальном характере содержания информации как аспекте плана содержания действуют в принципе те же закономерности, что и при так называемом «чисто» информативном содержании. Своеобразие эмоционального аспекта предложение состоит, в том, что набор модальных «оттенков» сравнительно ограничен, и главное - универсален, что создаёт благоприятные предпосылки для исключения из процесса коммуникации формально-структурных и избыточных средств в соответствующих контекстах и замены их типизированными, паралингвистическими сигналами. Имея в виду, что эмоциональное содержание высказывания по своему существу связано с психикой человека, естественно ожидать, что доминирующим паралингвистическим средством будут жесты и мимика как непосредственные формы внешнего проявления переживаний человека.

Такие эмоции, как радость, гнев, печаль, ирония и т. д., легко материализуются в телодвижение человека. Для лингвистики представляют интерес те из них, которые сопровождают речевое высказывание и влияют на его структуру, таким образом что цель передачи общего содержания высказывания достигается совокупностью лингвистических и паралингвистических средств.

Однако было бы ошибочным полагать, что все так называемые паралингвистические средства служат цели выражения эмоций. Действительно, определенные из них можно было бы охарактеризовать как выразители эмоциональности. К таким средствам следовало бы отнести в

первую очередь жесты и мимику и считать, что они предназначены для выражения принципиально иного языкового содержания, нежели так называемого рационального руководствуясь тем, что сама сфера эмоционального содержания наиболее соответствует системе таких выразительных средств человека, как мимика и жесты. Однако наблюдения над функционированием языка, т.е. над языком в живой речи, представляют немало доказательств и тому, что те же жесты и мимика могут сопровождать и самые нейтральные с эмоциональной точки зрения высказывания, представляющие собой просто констатацию фактов. Часто паралингвистические средства (в том числе жесты и мимика) подкрепляют собой мысли о различных, бросающихся в глаза признаках предметов, о которых идёт речь. Например, какое-нибудь сообщение о круглом, данном, коротком, большом или маленьком и т. д. предмете сопровождается нередко соответствующими жестами. Хотя содержание предложений типа «Земля вращается вокруг солнца» и типа «Как прекрасен этот натюрморт!» едино по своей информационной структуре и для второго предложения вполне естествен типизированный эллипс с подкреплением определёнными жестами, восстанавливающими совершенно однозначно всю предикативную структуру подобного предложения (О, натюрморт! Вот это натюрморт!), однако, в такой же мере возможно подкрепление жестами первого предложения с чисто рациональным содержанием.

Нет оснований по этому говорить об исключительной принадлежности паралингвистических средств к сфере выражения высказываний эмоционального характера в противоположность нейтральной информации обычных высказываний. Вариации паралингвистических средств подкрепляет некоторую специфичность так называемых эмоциональных высказываний, однако, лишь в плане, типизированных телодвижений. Противопоставлять паралингвистические и лингвистические средства в области выражения эмоционального и

рационального представляется в принципе неправомерным. В какой мере первые могут сопровождать как эмоциональное, так и рациональное высказывания. В такой же мере и чисто лингвистические средства без каких бы то ни было паралингвистических средств могут выражать и рациональное, и эмоциональное.

Суть концепции, включающей в паралингвистику средства выражения эмоционального, состоит в том, что, принимая за качественно различные области познавательной деятельности человека (эмоциональную и рациональную), сторонники этого взгляда полагают, что для передачи абстрактных понятий любой ступени необходимо использование словесных языков, в то время как для передачи эмоций, трактуемых в данном случае как некоторые психические состояния человека должны быть использованы определенные физические проявления человека как наиболее соответствующий его эмоциональному состоянию.

Эта точка зрения не учитывает того обстоятельства, что отличительной особенностью человеческой коммуникации является её рациональный характер, независимо от того какая область будет предметом непосредственной конкретной коммуникации (этим предметом могут быть все участники материальной и духовной жизни человека).

Результаты познания как продукт познавательной деятельности человека, закреплённые в качестве информации за теми или другими знаками, будут в конечном счёте обобщениями человеческого ума на какой бы исходный базе они не образовались. Учитывая это не правомерно говорить о каком-либо непосредственном выражении эмоционального содержания любыми знаками, в том числе и паралингвистическими.

Уровень непосредственного выражения эмоционального состояния человека не есть коммуникативный уровень вообще, а есть лишь биологическое качество человека как одного из видов живых существ (выражение боли, ужаса крика, расширения зрачков и т.д.). Эта сфера

психологической деятельности человека не является сферой коммуникации и целиком попадает в область психофизиологии.

Исследование коммуникативного поведения человека может идти в плане рассмотрения его вербального поведения во взаимодействии с самыми разнообразными неязыковыми средствами (паралингвистика) при условии, что язык как единственно глобальная манифестация всей разумной познавательной деятельности человека является доминирующим средством в системе коммуникации, подчиняющим себе все паралингвистические средства.

К паралингвистическим средствам должны быть отнесены лишь те функционально оправданные проявления физического состояния говорящего субъекта, которые необходимы для восполнения пробелов в вербальной коммуникации. В этом смысле область, изучаемая паралингвистической, - это не «сверхязыковой остаток» (А.И. Смирницкий), т.е. не та сфера которая надстраивается над функцией, выполняемый речевым высказыванием, не та сфера, в которой происходит распознавание высказывания по оценке говорящего индивидуума в связи с его физическими данными - что включается из непосредственного языкового акта, не остаток или привесок, вычитаемый из языковой системы, а функциональный компонент деятельности, релевантные для каждого конкретного речевого общения.

Своеобразна в этой связи классификация Е.А.Маслыко паралингвистических средств, он пишет: Паралингвистические средства в зависимости от их отношения к речевому высказыванию следует подразделять на:

- 1) собственно-паралингвистические (вытекающие из самого высказывания);
- 2) псевдопаралингвистические (постоянные по отношению к речевому высказыванию);
- 3) промежуточные (характеризующие эмоциональные состояние).

2.2. Фонация - паралингвистическое средство биологического происхождения

В настоящее время внимание лингвистов сосредоточено главным образом на изучении паралингвистических средств биологического происхождения, но функционально используемых в коммуникации.

К паралингвистическим явлениям, или паралингвизмам, обычно относят свойство звуковой фонации, а также мимику, жесты и другие выразительные движения, сопровождающие речевое высказывание и несущие дополнительную к его содержанию информацию.

Фонация от греческого *phone* - звук, голос.

Своеобразие артикуляции человека состоит в том, что, кроме образования единиц коммуникации с помощью органов речи и прежде всего голоса, в самом акте коммуникации воплощаются все характеристики, свойственные говорящему субъекту, обнаруживаемые, помимо жестов и мимики, прежде всего голосовыми качествами человека.

Артикуляция в широком понимании является как бы синтезом фонационных моментов в процессе коммуникации, и задачи лингвистического анализа состоит не только в том, чтобы исследовать сами языковые формы, но и установить существенные признаки собственной речевой артикуляции и отличить от признаков, свойственных фонации.

Фонация как явление в целом физическое, связанное со всеми свойствами голосового аппарата человека, выявляет поэтому те признаки которые свойственны прежде всего говорящему субъекту как физическому индивидууму.

Общие фонационные признаки, такие как сила голоса, тембр, обертоны, фикция и т.д., по своей природе связанные с физиологическими особенностями субъекта и зависящие от его психического состояния, всегда сопровождают речевую артикуляцию и являются внешним

показателем физического состояния субъекта. Другими словами, фонация человека двухслойна - она объединяет индивидуально-физические качества артикулируемой речи во всех её вариантах и собственно языковые-фонематические свойства речепроизводства. По всей биологической природе эти качества нераздельны, но по функции различны.

Свойства человеческого голоса легко наблюдаемы и давно описаны в литературе можно привести одно высказывание одного из исследователей человеческого голоса В. П. Морозова: «Человек произносит слова мы воспринимаем их смысл. Но как много смысла помимо слов, кроется в самом звуке голоса! Прислушайтесь к звуком речи незнакомого человека. Разве тембр голоса, манера говорить, интонации не расскажут вам многое о его чувствах и характере? Ведь голос бывает теплый и мягкий, грубый и мрачный, испуганный и робкий, ехидный и вкрадчивый, твердый, живой, торжествующий и ещё много оттенков, выражающих самые разнообразные чувства, настроения человека и даже его мысли. Когда к Сократу однажды привели человека, о котором он должен был высказывать свое мнение, мудрец долго смотрел на него, а потом воскликнул: «Да говори же ты, наконец, чтобы я мог познать тебя!»»

Физические данные голоса несут в себе информацию, являющуюся для воспринимающего основой различных умозаключений с привлечением собственного опыта и знаний о тех или иных свойствах субъекта.

Первый большой эксперимент по изучению впечатлений о людях, основанный на слуховом восприятии, в ходе которого было проанализировано более 4000 ответов слушателей Британского радио, отвечающих на вопросы, касавшиеся 9 различных чтецов: их вида, возраста и пола, показал, что из 9 представленных профессий легче всего правильно распознать актера, судью и священника, ибо были прежде всего названы люди, обладающие профессиональной постановкой голоса - актер, судья и священник (Ern. Kramer. Judgement + of Personal

Characteristics and Emotions from nonverbal of Speech. "Psychological Bulletin", V. 60, № 4, p. 408).

К этому можно добавить, что ещё в *«Книге занимательных историй»*, написанной Абуль-Фараджем в XIII в., даются советы, как по голосу судить о различных чертах характера человека: «тот, кто разговаривает, постепенно снижая голос, - несомненно чем-то глубоко опечален., кто говорит слабым голосом - робок, как ягненок, тот коза» и т.д. (В.П. Морозов. Тайны вокальной речи. Л., 1967, стр.3-4)

Известно, что сила голоса характеризует речь человека, поскольку она всегда проявляется или может проявиться в языковой коммуникации, но особенно показательна сила голоса при пении, когда в чистом виде выступают свойства голосового аппарата человека.

Здесь можно привести иллюстрации в книге В.П. Морозова: «Об одном из таких легендарных певцов рассказал Л. Кассиль в рассказе «Громобой». Когда однажды у парохода испортился гудок, Леонтий Архипкин (так называли певца) с успехом его заменил, прогудев по просьбе капитана своим голосом и возвестив пристань о приближении парохода. За свой исключительно сильный и красивый голос певец этот - волжский богатырь - получил прозвище «Громобой»» (В.П. Морозов. Тайны вокальной речи. Л., 1967, стр. 21)

В своей книге В.П. Морозов пишет: «Если в обычной разговорной речи характер тембра не является чем-то нейшее свойство голоса, составляющее его главное богатство». Достаточно вспомнить, например, выдающегося певца Ф. Шаляпина с его удивительно разнообразным, каждый раз неповторимо красочным тембром.

Тембр голоса часто называют *«окраской звука»*, *«колоритом»* или просто *«цветом голоса»*. По тембру можно легко различать голоса знакомых. По *«цвету»* голоса вокальные педагоги определяют тип голоса певца (баритон, бас, тенор и т. д.)

Из общefonационных признаков речи, как мы показывали выше, не

имеет отношения к языку как средству артикуляции, т. е. производству словесных коммуникационных единиц, необходимо выделить ещё одну сферу, а именно интонацию, которая лежит на стыке двух функций языка.

Одна из этих функций есть чисто грамматическое свойство, входящее в систему средств языка и образующее компонент структуры фразы (наряду с грамматическими категориями типа порядка слов).

Интонация в фоне логического ударения используется в различных языках по-разному, в зависимости от типа языка (аналитический и синтетический строй, развития падежная система и т. д.).

Показательны с этой точки зрения и следующие примеры из книги А.М. Арго «Звучит слово». Известный русский трагик Дальский делал логическое ударение, четко акцентируя одно небольшое слово в строке шестистопного ямба. Он произносил фразу:

Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорбленному *есть* чувству уголок!...

Выделяя слово *есть*, он давал зрительно веру в то, что такой уголок существует и что найти его сможет человек с доброй волей, с крепкой силой, с желанием наслужить делу свободы народной (А.М. Арго Звучит слово. М., 1968, стр. 7).

Интересен также и следующий пример из той же работы: Известна фраза Сальери:

Мне не смешно, когда маляр негодный
Мне пачкает Мадонну Рафаэля.

Если практически разобрать строку по отдельным словам, прежде всего происходит два решения:

Мне *пачкает* мадонну Рафаэля.

Либо: Мне пачкает *Мадонну Рафаэля*.

В первом случае: Искажает бездарный мазней, марай, опошляет непревзойденное творение живописи. Акцент на бездарной мазке.

Во втором случае: пачкает святыню веков, чудо живописи

Сикстинскую Мадонну.

Однако, в музыке Римского-Корсакова сильное место - ударение падает на третье, маленькое, незаметное, трехбуквенное слово *мне*:

Мне пачкает Мадонну Рафаэля.

Однако общефонационные признаки голоса, включая интонацию не грамматического характера, относятся уже к другой сфере, где требуется анализ в паралингвистическом плане.

Особым видом фонации, сопровождающим речевое высказывание, является характеристика субъекта не с точки зрения его физических данных, а с точки зрения внесубъектных обстоятельств, сопровождающих речевое высказывание.

Интонация представляет собой наиболее сложное явление в ряду фонационных особенностей языка, связанных с речью и личностью говорящего.

Следуя за современным истолкованием проблемы эмоциональной информации в языке (Трейгер), как Мартин, так и Леон, и многие другие специалисты, изучающие интонацию, выделяемый в интонации эмоциональную функцию, называя её экспрессивной с детализацией, как, например, у Мартина - импрессивная (как он её определяет - произведение впечатления), или у Леона - стилевая (ораторская, снобистская), языковая (фамильярная, изысканная) и эмоциональная (гнев, радость, грусть и т.д.).

Совершенно очевидно, что вся область экспрессивной интонации функционально не входит во внутреннюю структуру языка, а является надстроечной и не включается в собственно лингвистическую проблематику.

Эти особенности нелингвистической функции интонации, имеющие своим источником психику человека, могут быть зафиксированы объективно по определенным параметрам и характеризованы в качестве определенных стимулов для получения неязыковой информации о говорящим субъекте.

Эмоциональные факторы, не относящиеся непосредственно к внутреннему содержанию фразы, но используемые при высказывании, являются показателями контекста коммуникации, однако выходят за рамки не только языковых средств, но даже паралингвистических, - это такие факторы, как убежденность, грубость, задушевность, презрение, гнев, радость, и т. д. Они не являются составными частями словесного высказывания, если не входят как элемент содержания в структуру, например, в прямое высказывания *Я презираю Вас*. Но определенные особенности голоса, интонации во взаимодействии с мимикой и жестами являются выражением указанных признаков настроения, состояния говорящего субъекта, обнаруживаемых помимо языка.

Подобная фонация относится к собственно чистым экстралингвистическим фактором, т.е. фактором на основе которых слушающий может делать заключение о настроении и состоянии говорящего.

Использование подобных супraseгментных функций фонации может, видимо, рассматриваться как стимулирующий фактор психологического воздействия при восприятии речи, накладывающийся на смысл самой фразы. Эти особенности фонации являются весьма эффективным средством в ораторском искусстве, где психологическое воздействие на слушающего имеет первостепенное воздействие.

Эта супraseгментная функция речи будет являться объектом исследования психолингвистики в связи с тем, что она действительно непосредственно связана с проблемой не собственно лингвистического, а психологического аспекта языковой коммуникации.

«Речевое действие не протекает в застывших однородных формах, а планомерно подстраивается под требования ситуации и речевой задачи, используя разные возможные пути из имеющихся в запасе и широко опираясь на разного рода индивидуальные порождения и восприятия речи» (Н.А. Рубакин. Тайны успешной пропаганды. Речевое воздействие.

«Проблемы прикладной психолингвистики» М., 1972, стр. 21.)

Таким образом при исследовании свойств речевой фонации мы обнаруживаем возможность рассмотрения проблемы в четырех аспектах:

1. Первый аспект является чисто языковым, ибо он связан с изучением артикуляции языковых единиц и относится поэтому к компетенции собственно лингвистики.

2. Второй аспект также связан с изучением артикулируемой речи, но не отдельных звуков как таковых, а супрасегментных отрезков, к которым прежде всего относятся интонация и фразовое ударение как элементы языкового обнаружения структуры высказывания. Этот аспект рассматривается, как и первый, в сфере собственно лингвистики.

3. Третий аспект не связан непосредственно с изучением артикуляции и выявлением структурных элементов высказывания, а исследует артикуляцию как некоторый просодический признак, обнаруживающий общие условия коммуникации (выявление таких признаков конкретного процесса коммуникации, как уверенность или сомнение, грубость или деликатность говорящего, и т.д.). В каждом языковом коллективе складывается определенный стереотип этих просодических признаков коммуникации, который входит в понятие коммуникации как некоторая подсистема наравне с подсистемой жестов, мимики, но с функцией не структурного оформления высказывания, а передачи некоторого фонационного стереотипа надфразового характера. Этот третий аспект может рассматриваться поэтому как маргинальный случай паралингвистического использования фонационных возможностей человека.

4. Четвертый аспект - исследование речевой фонации как чисто психофизического явления, не имеющего отношения к речевой артикуляции и обнаруживающего лишь психофизическое состояние говорящего субъекта (раздражение, нервозность и т.д.).

Однако явления, раскрывающие психофизическое состояние

человека, как и некоторые жесты и мимика, не входят в подсистему языковой коммуникации и могут протекать даже без участия языка, не сопровождаться речевыми актами, следовательно не зависимы от языка, поэтому и не рассматриваются как средства паралингвистики.

Для обозначения особой дисциплины, которая изучает семиотику телодвижений, чаще всего употребляется термин «кинесика». Термин «кинесика» употребляется и как обозначение телодвижений индивидуума, и как раздел науки, изучающей эту область.

2.3. Жесты в системе параязыка.

Жестов языки - коммуникативные системы, план выражения которых строится не на акустической, как в звуковых языках, а на кинетической (жестикуляторно-мимической) основе. Распространено мнение, что в процессе **глоттогенеза** жестов языки предшествовали звуковым языкам. Жестов языки служат основным, а нередко и единственным средством общения глухих. Во многих регионах были также распространены жестов языки слышащих; их существование отмечено в Северной и Южной Америке, Африке, Австралии, Океании, Индии, на Кавказе, в Средиземношарье.

Среди Жестов языки слышащих наиболее известны жестов языки аборигенов Австралии и Северной Америки. Широкое распространение жестов языки среди австралийцев связано с ритуальным молчанием юношей во время инициационных обрядов и вдов в период траура, длившегося у некоторых племен до года и более. Жестов языки используются также для коммуникации на расстоянии, для соблюдения тишины на охоте. Территория распространения отдельные жестов языки австралийцев не совпадает с этническим и лингвистическим границами. Эти жестов языки описаны недостаточно; опубликованы словники ряда языков (от несколько десятков до несколько сотен жестов), грамматические наблюдения единичны.

В Северных американских прериях был широко распространен единый жестов язык, использовавшийся в основном при межэтническом общении. По некоторым данным, в конце 19 века им владело свыше 100 тысяч человек. Лексический состав этого жест языка описаны достаточно полно, грамматическая структура изучена слабо.

Лингвистическое изучение жестов языки, начатое У.К. Стокоу в 50-х годах 20 века, особенно активизировалось с 70-х годах, появилась периодически Специально посвященная жестов языки (Sign Language Studies, 1972-;

The Reflector: A Journal for Sign Language Teachers and Interpreters, 1981-), проводятся международные конференции (Стокгольм, 1979; Бристоль, 1981; Рим, 1983; Амстердам, 1985; Хельсинки, 1987). (Лингвистический энциклопедический словарь, М., 1990. с.153).

Многие исследователи указывали на то, что человек как биологический вид сохраняет в себе признаки животного характера и в системе средств коммуникации (тактильная, визуальная, даже химическая системы), но все эти формы, во-первых, существуют у человека одновременно со звуковым языком, а во-вторых, никогда его не заменяют. Кроме того, жестовая система, например, человека не носит иконического характера, -она абстрактна и универсальна в противоположность действию сигнализации у животных, определяющей чисто конкретное поведение особи (стой!, опасность! и т.д.). (- W. Stokoe. Semiotics and Human Sign Languages. Mouton. The Hague, 1972).

Неязыковые коммуникативные системы человека являются подчиненными, вторичными системами, но, несмотря на самые разнообразное их происхождения, они по своей функции лишь примыкают к языку, используются языком и декодируются с помощью языка. Это даёт основание не считать указанные системы самостоятельными, видеть в них структурно организованную систему, и не вспомогательные средства, используемые звуковым языком.

В этом смысле все паралингвистические средства могут быть объединены только по своей функции, т.е. по функции участия в формировании информации речевого высказывания, и не по своему материальному статусу. Одни и те же материальные формы “неязыкового поведения” (nonverbal behavior) человека, с одной стороны, должны рассматриваться паралингвистической, а с другой стороны - любой другой отраслью науки (например, генетикой и т.д.). С этой точки зрения, изучение жестов можно проводить в аспектах: биологическом, культурно-историческом, этнографическом и паралингвистическом (Е.М. Верещагин.

Вопросы теории речи и методики преподавания иностранных языков. М., 1969, гл.4.).

Для лингвиста важно во всех случаях проводить четкую границу между паралингвистической и биологической функциями этих средств.

Наряду с широким ситуационным паралингвистическим контекстом, устное общение широко пользуется типизированными, физическими проявлениями говорящего субъекта направленными на ориентацию слушающего однозначно воспринимать высказывание. К этим средствам относятся прежде всего жесты и мимика. Принятым определениям к жестам относятся различного рода телодвижения, т.е. кинетика, и к мимике относится выражение лица говорящего.

В целом кинесика является разделом науки о биологическом по происхождению свойстве человека, и должна входить в зоосемиотику, если под последней понимать науку о некоторой системе выражения физиологических состояний животного. Семиотическим в этом плане будет лишь условно выделенный стереотип некоторых движений, свойственный тому или иному биологическому состоянию животного. Однако данный стереотип не обладает способностью к передаче каких-либо значений не биологического характера.

Понятно, что подавляющая часть кинетических проявлений человека как части животного мира также будет находиться на уровне его чисто биологической организации. Только определенные движения, и прежде всего движение руки как органа, не посредственно занятого в трудовом процессе, рассматриваются как некоторая подсистема языковой коммуникации в качестве вспомогательной функции выявления однозначного вербального акта (восполнение Эллипса, устранение полисемме).

Вот почему паралингвистическая кинесика может рассматриваться как некоторая часть языковой коммуникации, свойственной только человеку, и вот почему она должна быть выделена как особая часть “кинетического”

поведения человека.

Бесчисленное количество примеров использования паралингвистических средств в словесном общении дает художественная литература, где описание диалога, как правило, строится применительно к условиям естественного общения, т.е. к паралингвистическому контексту.

“Войницкий: Дайте мне чего-нибудь. (показывая на сердце). Жжет здесь.” (А.Чехов. Дядя Ваня.).

В диалоге: “Боркин. ... так вы не женитесь? Шавельский (пожимает плечами). Он серьезно ... Удивительный человек” (А.Чехов. “Иванов”).

Совершенно однозначно расшифровывается вопрос: “Так Вы не женитесь?”, который приобретает явно форму риторического вопроса благодаря жесту (пожимает плечами), и тогда может быть правильно понята фраза, характеризующая этот персонаж (Удивительный человек!).

Необходимо еще раз заметить, что и в этих средствах надо проводить разграничительную линию между жестами и мимикой, и между кинесикой, сопровождающей речь на чисто физическом и биологическом уровне.

Жесты и кинесика могут рассматриваться в сфере коммуникации как подсобный функциональный компонент. В этом вопросе можно напомнить высказывание Ш. Балин с связи с его интерпретацией функции актуализации применительно к паралингвистическим средствам: “Знак, который представляет актуальное понятие, может иметь мимической характер, т.е. быть любым произвольным движением, служащим для указания: *жестом руки, движением головы, направлением взгляда* и т.д. Если, например, указывая на предит пальцем, я говорю: Доппез. “Дайте!”, то мой жест дополняет предложение, которое равнозначно предложению: “Дайте мне вещь, которая находится там”; этот жест является актуализатором, те грамматической связью соединяющей виртуальные понятие вещи с предметом, на который она указывает: (Ш. Балин. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. стр.96.).

Ш. Балли рассматривает вообще эти средства-знаки (в том числе

дейктические) на фоне закономерностей формирования реальных речевых высказываний, но главное, что он отмечает, - это их функциональная связанность со структурой высказывания, что он относит по существу к норме французского языка.

Яркой иллюстрацией паралингвистического использования жестов, мимики является чтение актера:

Фурначев. Как велик капитал почтеннейшего Ивана Прокофьевича?

Живоедова. Велик, сударь, велик. даже и не сообразишь его как велик. Так я полагаю, что миллиона за два будет.

Фурначев. Это и следовало предполагать, сударыня..

В тексте пьесы ни ремарки, ни подчеркивания нет, но артист находил здесь кульминацию сценического положения. После слов Живоедовой о двух миллионах ему будто кровь ударила в голову, ему становилось нехорошо, дыхание застывало в горле, такой столбняк на него находил, что публика неукоснительно разражалась рукоплесканиями, и в этом состоянии столбняка артист пребывал с минуту, потом спадал, сникал, переводил дыхание и, тошным жестом вынимая фуляровый платок, стирал со лба испарину - и шел вторичный вал рукоплесканий (А.М.Арго. звучит слово. М., 1968, стр.24.).

Весьма наглядной иллюстрацией самого тесного взаимодействия звуковой речи и паралингвистических средств является речь актеров в немом кино. Несмотря на то, что немое кино имеет свои особые законы и особенности, нельзя, тем не менее, утверждать, что отсутствие словесного высказывания в форме звука (надо учесть, что ориентуляция у актеров немого кино очень четкая, выразительная и зритель может воспринимать по догадке те или иные слова) трансформирует речь в несколько неестественный план использования паралингвистических явлений.

С одной стороны, здесь выпукло обнажается вся роль жестов и мимики в языке, с другой стороны, отсутствие звука подкрепляется целой системой игры актера для раскрытия смысла и цели действия героев для

зрителей. В плане паралингвистики весьма интересным было бы изучение приемов актерской игры в немом кино, которое помимо искусствоведческого интереса, имело бы и практический смысл для авторов, занятых в дублировании фильмов с иностранного на родной язык.

В плане происхождения языка все виды жестов и мимики человека первоначально были чисто биологическим явлением (например, определенное движение руки как оборонительная мера и т.д.). Это положение давно разработано в языкознании и смежных науках (O Funke. *Innere Sprachform*. Reichenberg, 1924; A. Marty. *Ursprung der Sprache*. Wuoburg, 1875).

Еще Ч. Дарвин писал: “Способность членов одного и того же племени сообщаться между собой при помощи языка языка имела первостепенную важность в развитии человека; выразительные же движения лица и тела весьма содействуют силе языка. Тем не менее, насколько можно заметить, нет оснований полагать, что какая-либо мышца развилась или даже изменилась исключительно ради выражения. Напротив, всякое выразительное движение имело какое-нибудь естественное и независимое происхождение” (Ч. Дарвин. *Собрание сочинений*. т. III. м., 1908, стр. 204-205.).

Для совершенного состояния языка биологический характер определенной части этих средств перерос и трансформировался в паралингвистическое явление.

Собственно паралингвистические средства вычлняются из сферы экстралингвистики, на том основании, что они представляют собой некоторую подсистему конвенциональных средств.

III ГЛАВА. ЭВРИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ПАРАЯЗЫКА

3.1. Паралингвистика и семиотика

Функционирование паралингвистических средств в языковой коммуникации детерминруется возможностью декодирования этих средств как маркеров однозначного восприятия информации, содержащейся в высказывании. Набор любых паралингвистических средств является не произвольным, а систематизированным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания. Только эта связь словесной структуры и паралингвистической характеристики дает возможность декодировать каждое конкретное сообщение.

К паралингвистическим средствам относятся как «факторы субъекта», т.е. выделение, подчеркивание с помощью различных движений и указаний говорящего - ситуационные маркеры, так и ситуационные явления, например, предметное окружение в момент говорения. Различие между этими сферами основывается и на том, что вторая (ситуационные явления) является своего рода внешним фоном, а первая (ситуационные маркеры) является средством выражения для самого человека. Необходимо отметить, что в данном случае под факторами субъекта имеются в виду только явления, паралингвистические по своему происхождению, а не кинетические (невербальные) ибо к характеристике субъекта будут относиться все признаки его физической (биологической) природы, не рассматриваемые в сфере паралингвистики. Таким образом, объектом паралингвистики являются не только движения тела и звуковые характеристики речи (фонация) - Дж. Трейгер (G.J. Trager. *Paralanguage: a First Approximation*. "Studies in Linguistics", 1958, № 13), но и те динамические и статические ситуационные маркеры, которые вовлекаются в формирование конкретного речевого акта.

В зависимости от условий общения в устной или письменной форме паралингвистические способы компенсации речевого акта могут быть подвижными (движение рук, пожимание плечами, движущиеся знаки мультипликационного характера) или неподвижными (материальная ситуация - расположение окружающих предметов, обозначения в тексте,

символы).

Несмотря на первостепенность функционального подхода к паралингвистическим явлениям, вспомогательная классификация их по субстанциональной природе может быть целесообразной. В этом плане необходимо различие двух видов паралингвистических явлений: 1) явлений, связанных с говорящим субъектом; 2) явлений, связанных с внешними по отношению к субъекту факторами (ситуация). Эти неязыковые факторы представляют собой некоторую семиотическую подсистему, непосредственно связанную с чисто языковой коммуникацией и включаемую в сферу вербального общения (И. Фодор. I. Fodor. *Linguistic and psychological problems of film synchronisation. The Role of Facial Gestures and Pantomime in Persuading Discrepancy*. "Acta Linguistica". Budapest, 1969, m. XIX, fasc. 1-2, 3-4. p. 97) хотя связь этой подсистемы с собственно языковой системой является неорганической, а симбиозной.

Назначение паралингвистических средств определяется опосредованным включением этих средств в акт высказывания и выполнением ими двух функций: 1) достижения однозначности коммуникации ввиду обобщенного и полисемантического характера собственно языковых средств, 2) компенсации элиминированных избыточных языковых средств в реальном процессе коммуникации. В некотором отношении эти две функции могут рассматриваться как противоположные по той причине, что первая функция компенсирует определенную недостаточность однозначности и в этом смысле как бы ограниченность самой структуре языка, а вторая функция компенсирует снятую языковую «избыточность» в конкретном коммуникативном процессе. Это тот же двойственный характер паралингвистических средств, однако в принципе любое языковое выражение способно в своей внутренней структуре получать полную однозначность, но экономия средств и как следствие - возможное "ambiguity" - заранее настроена на необходимое участие неязыковых средств.

Динамика языка живой коммуникации и состоянии, видимо, в том, чтобы обеспечить в любой сфере однозначность высказывание как необходимое условие вербального общения и выбор иного или иного неязыкового средства в конкретных условиях общения, т.е. привлечение паралингвистических средств.

О психологической природе лингвистических средств Е.А. Маслыко пишет: «ПЛ образуется в плоскости речевого и кинетического взаимодействие, для которого характерна тенденция к оптимально-экономной передаче информации в процессе общения. Стремление к экономному сжатию текста сообщение приводит к возникновению паралингвистических образований на различных уровнях порождения речевого высказывания.

Моторное высказывание реагирует на недостаточную пропускную способность речевого канала использованием ПЛ («он там» - и кивок головой)». (Е. А. Маслыко. К психолингвистической природе паралингвистических явлений. «Материалы III Всесоюзного Симпозиума по психолингвистике». М., 1970. стр. 21, 22.)

В лингвистике накопилось достаточно наблюдений над функционированием языка прежде всего в условиях устного общения, на основании чего дальнейшем были экстраполированы результаты этих наблюдений на язык в целом, частности, вопросе о языковой избыточности. Надежность передачи информации в вербальной форме как раз и требует эти избыточности, лежащий, судья но чисто теоретическим предположением, в пределах 50%.

В работе Р. Коудена утверждается, что около 90% предложений могут быть неправильной структуры, а высказывание будет понятным (R. Cowden. The Inflexional forms in Spoken English. London, 1930).

Немецкий языковед Г. Грабанд допускает грамматическую избыточность для английского языка - 75%, а для немецкого языка - 66%. Естественным аргументом полноценности языкового общения в этих

условиях является ссылка на контекст, ситуация или на любые паралингвистические факторы. По утверждению Г. Грабанда, английская фраза: "Passengers are not allowed to ride on the platform - Пассажирам не разрешается (выходить) выход на платформу" может быть понята только при условии, если она будет прочтена на трафарете в английском автобусе (G. Graband. Betrachtungen zum Strukturalismus in der Sprachwissenschaft. „Linguistics“, 1969, № 48.). В настоящее время сделаны интересные наблюдения по всем языковым жанрам в плане изучения эллипсов всех видов и их взаимодействия с внеязыковыми факторами.

Вариативность динамического использования средств пара- и интралингвистики особенно различна при анализе двух видов речевого общения - устного и письменного. Паралингвистические средства всегда включаются в контекст как письменный, так и устной речи. Однако роль контекста в письменной речи современно особая, так как контекст относится к чисто языковым средствам является своего рода расширением рамок слова или предложения в случаях, когда значение того или другого не может быть установлено в пределах минимальной замкнутой единицы. Контекст по своей структуре содержит чисто языковые данные, по которым читатель или слушатель заключает о конкретной информации, содержащейся в каком-либо многозначном элементе высказывания. Поскольку контекст является дополнительным средством для однозначной реализации коммуникации, он не выходит за рамки языка и не может быть отнесен поэтому к паралингвистическим средствам.

В письменной речи языковые ситуации строго фиксированы, что дает возможность при восприятии информации опираться на надежные показатели языковой структуры.

Чисто языковой контекст от предложения до целого раздела дает возможность читателю восполнить информацию, используя дополнительные источники вербального характера, т.е. средства самой языковой системы. Так, предложение «В 17 часов забил фонтан» может

быть однозначно воспринято в пределах только языкового окружения - текстового контекста, в котором, например, содержалось указание по ключевым словам (Буровая, нефтедобыча и т.д.) на безусловную связь с нефтью, в результате чего содержание выше приведенной фразы ясно раскрывалось как «Забил нефтяной фонтан». В лингвистическом плане определение лексемы фонтан получено здесь на основе лексического окружения (дистрибуции), но не в рамках непосредственного словосочетания. Распознавание значения этой фразы состоялось, таким образом, на основании языковых данных. В ином случае без языкового контекста, например, в устной форме при наличии соответствующей предметной ситуации (митинг геологов, диалог на нефтеразработке, у нефтешек и т.д.), восприятие фразы опирается на неязыковые факторы, т.е. на паралингвистические обстоятельства, по которым слушающий делает умозаключения об истинном смысле высказывания.

В письменном языке определяющим фактором однозначной коммуникации могут быть не только сами языковые условия, но и такие факторы, устье которых в вербальном (письменном) общении обуславливается их паралингвистической функцией. В письменном языке паралингвистические средства представляют собой пример внешних по отношению к языку указателей. Такими указателями могут быть некоторые письменные знаки, обычно употребляемые в тексте в грамматической форме, например, восклицательные знаки, многоточие, комбинации восклицательных и вопросительных знаков в паралингвистическом использовании.

Сюда относятся различные изображения в тексте: рисунки, чертежи графики и т.д. Этот вид знаков весьма специфичен, поскольку он (вид знаков) не принадлежит к области грамматики, однако имеет несомненную паралингвистическую роль в письменном языке.

Первую группу знаков используется не как обычная пунктуация, т. е. грамматическое маркирование структуры высказывания, а как внешний

символ, способствующий получению читателем некоторой дополнительной информации и соответствующего понимания речевого высказывания. Сочетание восклицательных и вопросительных знаков после определенного слова или после некоторого словосочетания может давать паралингвистическую информацию, свидетельствующую о неправдоподобности сообщаемого и об оценочных моментах авторской речи. Например: «За короткий срок Царёв ещё дважды уличался в серьёзных нарушениях закона, но каждый раз его освобождали от уголовной ответственности, ссылаясь на то, что он характеризуется положительно (?!), правонарушение совершил впервые (?!!) и чистосердечно раскаялся (!!!)» (Газета «Правда» 24 февраля 1970). Эти знаки в данном случае не служат формированию структуры высказывания, они (знаки) представляют собой определенную ситуацию, в которой производится речевой акт. В данном случае письменные символы могут рассматриваться как заместители реальной паралингвистической ситуации, свойственной устной речи.

К паралингвистической графике должны быть отнесены различного рода варианты красочного и шрифтового оформления текста. Особый шрифт или краска (например в газете заголовки в красках, крупный шрифт, курсив в тексте и т. д.) заставляет читателя присоединять к информации, непосредственно извлекаемой из высказывания, мысль о важности, срочности, опасности некоторого действия. Например, вывеска на магазине: «Магазину требуется РАБОЧИЙ» с особым написанием слова рабочий способствует точному пониманию высказывания (непросто работник, т.е. продавец, кассир и т.д., а рабочий), причем вряд ли здесь шрифт выполняет функция логического ударения, шрифт функция логического ударения, шрифт выполняет лишь вспомогательную функцию для правильного прочтения объявления.

Следует обратить внимание на типичный распространенный случай подобной комбинации средств в плакатном искусстве. Например, в

предупредительном плакате: «Водитель! Не превышай скорость!» восприятие фразы основано на характере рисунка, изображающего аварийную ситуацию и ярко выделенные на шкале скорости стрелку и цифру 120 км.

Многозначность слова, употребление слов в основном значении декодируются при наличии ясных паралингвистических признаков. Например, письменное объявление «Удлиненных детей забирайте не позднее 7 ч. вечера», легко (и даже без иронии) воспринимается в узкопрофессиональном значении - речь идет о детях, находящихся на режиме продленного дня.

Наиболее общим паралингвистическим средством устного общения является ситуация как совокупность реальных временных, пространственных и предметных условий, служащая как бы своеобразным тематическим индексом всей коммуникации.

Роль ситуации в устном общении сводится к тому, что она снимает всё избыточные средства, которые в условиях письменного общения должны быть раскрыты в высказывании. В устном общении зрительные и слуховые восприятия дают возможность без дополнительного разъяснения однозначно воспринимать информацию. Можно привести одно высказывание В.В. Виноградова: «В речевой общественной практике разговорного обмена мыслями, в связи с конкретной ситуацией, при наличии мимики и жестов как вспомогательных выразительных средств, при большой экспрессивной силе интонаций формируются структурные типы предложений, в которых отсутствует словесное выражение каких-нибудь отдельных членов, ясных из контекста и ситуации. Такие предложения, в словесной ткани которых «не хватает» одного или нескольких членов, обычно называются неполными»(В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка). ВЯ, 1954, № 1, стр. 29).

Здесь можно привести один пример, наиболее характерный.

Ситуация у кассы в метро в Берлине не оставляет никаких сомнений в однозначности восполнения эллипса: “eine, dritter, Alex” (Bitte, eine Karte dritter Klasse, bis zum Alexanderplatz) что означает «один, третий, Алекс» (Пожалуйста, один билет третьего класса до станции Александерплац).

К совокупности зрительных и слуховых факторов паралингвистической ситуации должны быть отнесены предметы, окружающая природа и др.

Материальная ситуация играет значительную роль при устном общении, в котором различные модификации предметного антуража приобретают сигнальный характер при компенсации содержания вербальных структур.

К подобным модификациям указанного вида контекста относятся предложения, в которых фиксируется: а) простое наличие предметов (например, хорошая книга! - с указательным жестом на книгу, лежащую на столе); б) комбинация предметов (например, очень современно! - при обозрении определенного интерьера).

Е. Холл в своей книге «Молчащий язык» обосновывает базу культуры как коммуникации, состоящей из трёх компонентов: 1) sets (like words), 2) isolates (like sounds), 3) patters (like grammar). (Е. Холл. «The silent language». New York, 1959)

Паралингвистический смысл языка как культуры, по Е. Холлу состоит в том, что он является набором окружения, через который и при помощи которого создается информация и понимание мира.

Например, естественная для англичанина конструкция «We go out in the rain», для араба, должна быть трансформировано “.under the rain”.

Словесное обозначение понятия «хорошо» для индейца навахо может быть передано через синий цвет и соответственно «плохо» - через красный, в то время как для европейца эти слова в цветовом отношении нейтральны. По утверждению Е. Холла, здесь язык выступает не в функции общения, а как некоторая паралингвистическая система,

служащая для выражения культуры народа.

При трактовке паралингвистики в качестве сферы невербального поведения отдельные авторы рассматривают некоторые способы человеческой коммуникации как эксклюзивные, семиотические системы, существующие самостоятельно, независимо от участия языка в функционировании этих систем (Т.М. Николаева, Б.А. Успенский. Языкознание и паралингвистика, в кн. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии» М., 1966.; Е.М. Верещагин. Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как и иностранного. М., 1969).

Жестовые движения, свойственные различным народам, интерпретируются как самостоятельный жестовый знак (например, кивок головой - как знак согласия «да» - у русских и как знак отрицания «нет» у болгар.

Проблемы соотношения естественного и семиотических систем (Ю.С. Степанов. Семиотика. М., 1971, стр. 27-46; В.М. Солнцев. Язык как системно-структурное образование. М., 1971, стр. 17), необходимо проводить четкую грань между словесным языком, паралингвистическими средствами как вспомогательной функциональной системой и самостоятельной вторичной знаковой системой. Только при таком разграничении возможно, с одной стороны, определить действительное место параязыка в коммуникации, а с другой стороны, противопоставить по функции паралингвистические средства остальным видам семиотических систем.

В определении обычно подчеркивается признак присутствия и отсутствия словесного языка. Это ясно выражено в следующем высказывании: «Так как обмен информацией возможен только с помощью знаковых систем, или - в общей теории семиотики - языков, во всех случаях мы сталкиваемся именно с языками, но языками особого рода. Все их объединяет выключенность, отсутствие слов, поэтому их обычно

называют невербальными» (Е.М. Верещагин. Вопросы теории речи и методика преподавания иностранных языков. М., стр. 66)

Независимо от происхождения подобных систем функционирование всех подобных средств вербального языка может осуществляться опосредованно и только на базе существования и возможности эксплицитного выражения значений каких-либо жестов материалом естественного языка. В этом случае все знаковые системы, включая и системы паралингвистического характера (жесты, мимики), и любые виды систем технического характера (знаки уличного движения, различные символы), являются знаковыми системами вторичного характера, сигнификативное назначение которых заранее обусловлено конвенциональным характером их употребления. Другими словами, каждое явление искусственной знаковой системы получает смысл только на базе языковой расшифровки и является символическим репрезентантом некоторой идеи, выраженной в том или ином виде словесным языком (зафиксированным в инструкции, в концепции, в устном договоре). Такое понимание коммуникативного характера искусственных знаковых систем приводит к заключению о том, что они являются крайним случаем в общем наборе всех паралингвистических средств.

Эта часть как будто бы паралингвистических средств выходит за рамки маргинальных явлений и образует совершенно самостоятельную систему звуков, которая подчинена общим закономерностям конвенциональных семантических систем. Речь идет прежде всего о чисто условных жестах национального характера, не взаимодействующих с каким-либо речевым сигналом и, подобно любой звуковой системе, функционирующих как обычный код, например, жест солидарности - поднятие руки со сжатой в кулак ладонью или жест угрозы - движение указательным пальцем, или в спорте целая система условных жестов, например, при обозначении «тайм-аут», нарушении правил, удалении игрока с поля, жесты одобрения (аплодисменты).

Подобные жесты воспринимаются как заранее обусловленные, не связанные с каким-либо словесным актом, и функционируют как любые коды, например, сигналы правил уличного движения. Все эти жесты (включая сюда и все виды ритуальных знаков), естественно, должны быть исключены из понятия «паралингвистический фактор», и их изучение должно строиться вне связи с языковой структурой, а лишь на основе описания их значения, независимо от того, зафиксировано это значение в обычаях того или иного человеческого коллектива и закреплено в письменных документах, соглашениях, протоколах и т. д. или это значение существует по праву обычая.

Если рассматривать паралингвистические средства в соответствии с их внутренними закономерностями, то можно вскрыть их семиотический характер, поскольку функционирование этих средств в целом подчиняется правилам использования сигналов и различного рода знаков. В данном случае каждая такая семиотическая система будет иметь и национальные черты как характерные особенности в ряду семиотических неязыковых средств человека. Здесь можно указать на различное использование одних или тех же жестов человека, например, для выражения согласия, удивления, гнева и т.д. (Ю.С. Степанов. Семиотика. М., 1971.; З.М. Волоцкая, Т.М. Николаева и др. Жестовая коммуникация и её место среди других систем человеческого общения. «Симпозиум по структурному изучению знаковых систем» М., 1962.)

Жестовый параязык имеет определенный семиотический смысл, о чем свидетельствуют результаты исследований в этом направлении, и набор этих средств достаточно многообразен, но одновременно и типичен, что особенно четко обнаруживается при анализе диалогов в художественных произведениях, где авторские пояснения опираются на определенные паралингвистические явления. К ним относятся авторские ремарки: «гладит по голове, загораживает дорогу, щелкает пальцами, машет руками, разводит руками, пожимает плечами, кивает, пошатывается, дергается»

(R.L. Birdwhistell. Body motion research and interviewing. "Human organization", 1959, V. 11, № 1).

Однако при рассмотрении взаимодействия языка с неязыковыми средствами коммуникации жестов имеющие семиотический характер мимики теряет свои свойства в связи с тем, что использование этих средств происходит не за счет внутренней структуры этой системы в целом, а на основе компенсационного взаимодействия языковых и неязыковых средств при общении людей. (Т. М. Николаева, Б. А. Успенский. Языкознание и паралингвистика, в кн. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии» М., 1966, стр. 71).

Рассмотрение жестов и мимики может быть направлено на отыскание семиотических закономерностей, но при переходе в область соотношения с языковой структурой семиотичность этих средств теряет свое значение, так как основной упор в этом случае должен быть сделан на конкретные взаимоотношения тех или иных черт языковой структуры и паралингвистических средств. Например, движение головой и знак согласия, имеющее семиотическое значение в разряде всего комплекса движений человека определенной национальности, при взаимодействии с речевым высказыванием становится своего рода подсобным элементом этой структуры как компенсирующее звено по отношению к ней.

Некоторая стереотипизация использования параязыка в определенном коллективе не означает отчуждения параязыковых подсистем и превращения их в самостоятельную семиотическую систему, - речь может идти лишь о снятии произвольности в создании и употреблении конкретных параязыковых форм. Эти средства выполняют свои функции участия в формировании вербальной информации в пределах заданных коллективом норм. Ясно выразил это Ш. Балли: «Жесты, телодвижения, позы и мимика лица имеют столь же определенные и общепринятые значения, как и другие знаки языка: бесспорно, что даже при допущении индивидуальных форм мимики она,

как и музыка, заключена в определенные в каждой языковой группе традицией» (Ш. Балли. Общая Лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955: стр. 51.)

Именно область телодвижений человека, участвующая в передаче содержания высказывания, и составляет предмет паралингвистики.

Паралингвистика - область, изучающая явления, сопровождающие вообще всякую языковую деятельность.

Нельзя сказать, что в настоящее время лингвисты располагают достаточным количеством работ, посвященных конкретному изучению взаимодействия вербального языка с всевозможными паралингвистическими средствами. Тем не менее интерес к этой области языкознания возрастает как в связи с практическим применением методики обучения иностранным языкам (Е.М. Верещагин. Роль и место страноведения в практике преподавания русского языка как и иностранного. М., 1969.), так и в связи исследованиями, посвященными конкретным видам паралингвистических явлений и их участие в языковой структуре.

Здесь можно указать на небольшую работу Л.А. Капанадзе и Е.В. Красильниковой (Л. А. Капанадзе, Е.В. Красильникова. Роль жеста в разговорной речи. «Русская разговорная речь», Саратов, 1970.), в которой описаны наблюдения с попыткой классификации отдельных жестов, употребляемых в русском языке. Авторы, исходя из верной посылки о том, что изучение жестов имеет смысл только в связи с изучением языкового текста - слова и высказывания в разговорной речи, стремятся проиллюстрировать и определить возможность жестовой восполняемости пробелов речевого высказывания. Примеры, приводимые в их работе, весьма убедительны, особенно об использовании жеста, указывающего на размеры предмета, упоминаемого в эллиптированной речевой форме, типа «вот такой., до сих пор и т.д.» жестовая определения к этим высказываниям могут обозначать размеры предмета - большой, маленький;

форму предмета - круглый, квадратный, и т. д. Авторы указывают на наличии очень разнообразного рисунка жеста людей, говорящих, в частности, например, вертикальные удары в вертикальной плоскости, свободное движение кистью руки, перечисление по пальцам, движение указательного пальца, движение одной руки и т. д.

Интересны наблюдения ученых над взаимодействием слова и жеста в плане дополнительной достоверности восприятия того или иного жеста, например, при необходимой избыточности в форма, когда нужна точная ориентация человека в пространстве (значение «пожалуйста, сюда» передается указательным жестом с повторным словесным подкреплением: Во второй отдел - речь идет о магазине).

Особый интерес представляет исследование данной проблемы в условиях конкретного языкового общения различных групп людей в различных сферах общения по профессии (например, на транспорте, в магазине, в мастерской и т.д.).

Интенсивное изучение взаимодействия собственно лингвистических и паралингвистических средств в процессе общения помогает ставить вопросы, касающиеся природы языка, его структуры, функционирования в живой речи. Участие паралингвистических средств в высказывании заранее предопределено самой системой языка, социальным характером его происхождения и биологической природой говорящего субъекта. Использование *кинестических средств*¹ человеком в процессе вербальной коммуникации является настолько же естественным, как естественно и биологически закономерно взаимодействие нейрофизиологических процессов, участвующих в производстве речи.

Паралингвистика - область, изучающая явления, сопровождающие вообще всякую языковую деятельность. Понятие «паралингвистика» есть прежде всего функциональное понятие и поэтому паралингвистику следует определять как вспомогательная область лингвистики, изучающую

¹ «Кинесика» употребляется и как обозначение телодвижений, и как раздел науки, изучающей эту область

функциональное использование неязыковых средств для формирования конкретного речевого высказывания.

Паралингвистические явления выступают как системные, но только относительно естественного языка, который они сопровождают. Иначе говоря, языковое высказывание плюс некоторое паралингвистическое явление может быть противопоставлено данному языковому высказыванию, взятому отдельно.

3.2. Эвристическая функция параязыка

Понятие «паралингвистика» есть прежде всего функциональное понятие, и поэтому паралингвистику следует определить как вспомогательную область лингвистики, изучающую функциональное использование неязыковых средств для формирования конкретного речевого высказывания. Таким образом, паралингвистика есть область, изучающая явления, сопровождающие вообще всякую языковую деятельность.² простое соположение разных коммуникативных систем, например, вербального, жестового языка, не в состоянии дать лингвистическое истолкование функционального взаимодействия этих разноприродных явлений и приводит лишь к обычному семантическому описанию, например, жестовых движений человека с самым разнообразным назначением.

Авторы работы «Жестовая коммуникация и её место среди других систем человеческого общения», З.М. Волоцко, Т.М. Николаева рассматривают, в этой работе, как равноценные коды: двигательную активность человека (оптический код), пластические искусства, музыку (акустический код) и др. Описание «кинетические активности» человека приобретает в этой работе характер систематизации употребления жестов в различных ситуациях (жести в речи, лекции, театре, пантомиме, немом кино), собственно паралингвистический подход перекрывается общесемантическими задачами исследования кода (его словаря, грамматики), что выходит уже за рамки лингвистики.

Тенденция в какой-то степени ограничить паралингвистику изучением только некоторых форм человеческого поведения, особенно заметная в более ранних трудах, объяснима первоначальным стремлением исследователей рассматривать паралингвистические средства, присущие только человеку как производителя речевого акта.

² Т.М. Николаева, Б.А. Успенский на сб. *Approaches to Semiotics (Cultural anthropology. Education. Linguistics. Psychology)*. The Hague, 1964 - ВЯ, 1965, № 6. p. 111

«Явления (факультативные) человеческого поведения, которые несут определенную информацию, сопровождая явления языка., составляют предмет лингвистики»³.

Существенным для языковой информации является способ использования человеком любых неязыковых средств, другими словами, не субстанция этих средств, а функциональное их преобразование в процессе речи.

Субстанциональный фактор здесь вторичен, он подчинен функциональному. Поэтому для лингвистики существенным является исследование способа включения посторонних для языка средств в процесс речепроизводства как вспомогательных факторов, функционально входящих в акт коммуникации. Соотношение фонетической, лексической и грамматической структуры речевого акта с неязыковыми средствами способствующими формированию однозначно воспринимаемого речевого сообщения, и есть важнейший объект изучения одного из разделов лингвистической науки - паралингвистики. Паралингвистика поэтому не может быть разделом науки, изучающей просто ситуации и поведение человека, а должна быть наукой, ставящей себе задачу непосредственно лингвистического истолкования неязыковых факторов применительно к конкретной структуре речевого высказывания, задачу изучения функциональных связей, возможностей границ, типов этих факторов и их взаимодействие с языковой структурой .

Эту мысль подчеркнул в своем докладе на конференции по семантике Е. Станкевич: «При рассмотрении связи паралингвистики и явлений экспрессии с другими средствами коммуникации было высказано предположение, что эти явления не могут или не должны быть разделены в коммуникативном процессе. .важно изучать любой коммуникативный процесс в его соотнесенности с языковым, поскольку язык является

³ Т.М. Николаева, Б.А. Успенский. Языкознание и паралингвистика. «Лингвистические исследования по общей и славянской типологии» М., 1966. стр. 65.

наиболее разносторонним, распространенным и организующим инструментом коммуникации⁴.

Естественно, что паралингвистические средства без возможности их интерпретации применительно к конкретному высказыванию остаются немым антуражем - их значение есть их интерпретируемость по отношению к структуре языковой информации, причем эти средства служат опорными пунктами для эвристического процесса построения некоторой цепи умственных действий по восполнению словесных элементов высказывания.

Все неязыковые средства могут иметь значение для языковой коммуникации только как функциональный компонент вербального акта.

Функционально-компенсирующий характер паралингвистических средств хорошо отмечено Ш. Балли, что неартикулируемые элементы употребляются в тем большем количестве и приобретают тем большее значение, чем более имплицитным и недостаточным оказывается словарное выражение. Это именно они, вопреки видимости, превращают наиболее скудные высказывания в полные эксплицитные предложения⁵

Только участие в словесном высказывании придает этим средствам коммуникативно значимый характер. Эта идея находит поддержку в работе видного специалиста по фонетике Д. Кристала. По словам Д. Кристала, языковые и кинетические акты взаимодействуют в коммуникативной ситуации с паралингвистическими факторами, передавая объединенные акустико-визуальные сигналы, которые одновременно принимаются и интерпретируются индивидуумом, знакомым с условной связью между знаками и ситуацией. Но язык отличается от паралингвистических средств как степенью организации так и функционально. Паралингвистика не имеет грамматической функции, она относится к ситуации в целом, выполняя роль прямой поддержки или

⁴ Stankevicz. Problems of Emotive Language. "Approaches to Semiotics." The Hague, 1964. p. 265.

⁵ Ш. Балли. Общая Лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. стр. 56.

усилителя языка, который является единственной предпосылкой (условном) высказывания⁶.

Паралингвистические средства переплетаются также с теми аспектами интонации и пауз, которые неграмматичны.

Определенные аспекты интонации могут рассматриваться как часть параязыка.

Этот эвристический процесс вряд ли строится на каких-либо других основах, кроме логико-понятийных, свойственных человеческому мышлению вообще.

Механизм декодирования заключается в опосредственном восприятии некоторого сообщения, проходящего по двум этапам. Первый этап составляет восприятие чисто словесной структуры. Второй этап представляет собой некоторую цепь умозаключений нацеленных на восполнение элементов семантики, которые отсутствовали в словесной структуре.

Только после завершения построения некоторой цепи умозаключений словесная структура может быть воспринята однозначно, хотя, с определенной задержкой в получении информации.

Рассмотрим, объявление «Do not throw jubilee coins!» (Юбилейга чиқарилган тангалар ташланмасин) на автомате по продаже газированной воды. На первом этапе восприятия эта словесная информация в изоляции от всех паралингвистических средств, основным из которых в данном случае является предметная ситуация (а именно место прикрепления трафарета), теоретически может быть понята в прямом смысле «не бросать на землю». Однако второй этап декодирования с учетом паралингвистической ситуации однозначно подает значение глагола «бросать» в значении «опускать в монетоприёмник». Зрительное восприятие предметной ситуации только на втором этапе, происходящем практически мгновенно, явилось в данном случае той опорой для

⁶ D. Crystal. A perspective for Paralanguage. "Le maitre phonetique", 1923, № 78, p. 26

умозаключения, которая привела читающего к правильному пониманию указанного объявления.

Принципиально тот же путь декодирования проходит любой субъект, воспринимающий устное сообщение, сопровождаемое жестами. Эллипс словесной структуры «Give me» (Бер!) при указании рукой, движении глаз на некоторый предмет есть, самый экономичный и оправданный способ построения высказывания, т.к. отсутствие дополнения в предложении мгновенно компенсируется умственным действием (этот предмет.).

Типизированные жесты, получившие в каком-либо обществе стандартную форму, приобретают тем самым довольно сторговую паралингвистическую однозначность и вследствие этого как крайний случай выступают не в прямой связи с вербальной формой, а самостоятельно (например, движение головы - «да», «нет»; жестами рук - «не согласен», «не верно»). Требование однозначности резко суживает арсенал этих средств и вообще не дает оснований говорить о существовании некоторой самостоятельности, скажем, жестовой семиотической системы.

В зависимости от характера паралингвистических средств механизм декодирования может быть разный как по структуре умозаключения, так и по затрате времени для получения однозначного решения. Но, несмотря на разные структуры логического процесса восприятия информации, сам этот процесс является вторым логическим этапом речепонимания, что и определяет, назначения, что и определяет, назначение паралингвистических средств как вспомогательных маркеров при передаче информации в условиях вербальной коммуникации.

В процессе декодирования строится цепь умозаключений, которая зависит от первичной посылки, т. е. исходного пункта, являющегося одним из признаков материального контекста, и конечного пункта, являющегося пониманием однозначно расшифрованной ситуации, на основе которой строится само поведение человека. Например, в надписи

«Юбилейные монеты не бросать» на автомате по продаже газированной воды - исходным пунктом контекста будет наличие автомата с монетником, а конечным - расшифровка указания «не бросать» с разъяснением смысла этой надписи: «не опускать в монетник». Примерная схема подобных умозаключений выглядит следующим образом: «если данная надпись с употреблением слова «бросать» помещена на автомате, то тогда слово «бросать» означает «опускать». В данном случае это трафарет зафиксированный на автомате. Следовательно, надпись означает «не опускать в монетник юбилейных монет».

Естественно, как и в любом из быстротечных умозаключений, используется энтимема, т. е. пропускаются части силлогизмов или целого силлогизма в некоторой цепи умозаключений, поскольку восполнение этих частей в повседневных ситуациях просто и не требует какой-либо дополнительной мыслительной нагрузки. Простейшим случаем в приведенных выше ситуациях является построение умозаключения следующим образом: при надписи на торговом автомате пользуются, видимо, одним выводом. Слово «бросать» означает «опускать».

Как бы не был быстроточен процесс расшифровки функций паралингвистических средств в конкретных ситуациях, в свернутом виде он всегда присутствует в самых простейших контекстах устного и письменного общения.

Самым распространенным видом лингвистической расшифровки эллиптических фраз является опора в умозаключениях на тематический контекст. Фраза, произносимая в кабине самолета при соответствующих командах пилота типа «Press!» при соответствующей теме разговора, может быть точно расшифрована как приказ увеличить число оборотов двигателя или увеличить тягу и т.д., т.е. в полной словесной расшифровке команда будет означать: «Включи дополнительную мощность турбины (мотора)» и т.д.

Важно подчеркнуть, что использование паралингвистических средств

как околязыковых возможно только по той причине, что сам язык является продуктом той стадии развития мышления человека, когда образовалась система логического мышления человека с основными её формами - понятие, суждение и умозаключение.

Как отмечалось выше, использование паралингвистических средств основано на той предпосылке, что человек всегда способен дешифровать любое сообщение, образованное с использованием паралингвистических средств с помощью сложнейших систем опосредованных умозаключений, протекающих в процессе общения по нормам эвристического мышления, для которого характерно образование целого яруса сокращенных силлогизмов - энтимем.

Для разъяснения приведем один пример. Если один из партнеров по коммуникации показывает рукой на окно и говорит: «Wait!» (Шошма!), то паралингвистический смысл указательного жеста будет расшифрован в словесном развертывании, например: "Плохая, ужасная погода!". Полный смысл этого речевого акта может быть восстановлен рядом энтимем, основывающихся на предварительном знании ситуации разговора, вроде: если тема разговора заключалась в том чтобы принять решение о срочном отъезде, то смысл фразы «Ужасная погода» будет сведен в конечном итоге к заключению «отъезд невозможен» на основании ряда умозаключений типа: так как лег густой туман, а густой туман создает опасную обстановку для вылета самолетов, то ввиду нелетной погоды отъезд невозможен. Подобного рода эвристически рассуждения, протекающие в мозгу человека, сопровождают почти любое языковое высказывание.

Характер функционирования паралингвистических средств ещё раз подтверждает то положение, что основой всякого высказывания является вербальная конструкция, трансформируемая в условиях реальной ситуации до пределов, которые разрешают те или иные типовые паралингвистические средства. Этот закон взаимодействия интра- и паралингвистических средств покоится в сочетании непосредственного и

опосредственного восприятия информации, что создает условия безграничного варьирования словесных структур в живой коммуникации с использованием минимума языковых знаков для получения максимума эффекта информации.

Паралингвистические элементы функционируют спорадически, они не формируют структуру языка и не могут в принципе влиять на адекватность описания языка как такого. Отметим в связи с этим мысль У. Вейнрейха: «Мы должны рассматривать язык в условиях его полноценного использования, т. е. в условиях, при использовании которых потребности общения удовлетворяются именно языком, а не другими видами поведения»⁷.

⁷ У. Вейнрейх. О семантической структуре языка «Новое в лингвистике» вып У., М., 2001, стр. 169.

3.3. Язык и параязык

Под языком прежде всего имеют в виду естественный человеческий язык (в оппозиции к искусственным языкам и языку животных), возникновение и существование которого неразрывно связано с возникновением и существованием человека - homo sapiens т.е. период неандертальцев и первые люди современного типа Homo sapiens sapiens. Глоттогенез (от греч. glotta - язык и genesis - происхождение) - процесс становления человеческого естественного звукового языка, отличного от других систем знаков. Глоттогенез изучается как комплексная проблема собственно лингвистическими методами (в сфере сравнительно-исторического языкознания и исторической типологии), а также с помощью ряда смежных наук о человеке. Сравнительно-исторический метод позволяет путем сравнения праязыков отдельных микросемей наметить формы вероятного исходного праязыка Homo sapiens sapiens (т.е. совершенного человека), который после своего возникновения ок. 100 тыс. лет назад мог распасться на диалекты, давшие ок. 40-30 тыс. лет назад по мере расселения человека из Африки по Евразии и увеличения число древних людей начало отдельным языкам.

Термин язык имеет два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический, или идиоэтнический, язык - некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Я в первом значении - это абстрактное представление о едином человеческом языке. Конкретные языки - это многочисленных реализации свойств языка вообще.

Язык есть естественно (на определенной стадии развития человеческого общества) возникшая и закономерна развивающаяся семиотическая система, обладающая свойством социальной предназначенности, - это система, существующая, прежде всего не для

отдельного индивида, а для определенного социума.

Язык является основной общественно значимой формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная, или когнитивная функция). В то же время язык является основным средством общения (коммуникативная функция), средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату). В силу этого свойства язык естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения, т. к. общественная, в том числе трудовая деятельность человека, невозможна без обмена информацией.

Различают следующие основные социальные формы существования конкретных языков: идиолект - индивидуальный язык одного конкретного носителя языка; говор - множество структурно очень близких идиолектов, обслуживающих одну небольшую территориально замкнутую группу людей, внутри которой не обнаруживается никаких заметных (территориально характеризуемых) языковых различий; диалект - множество говоров в котором сохраняется значительное внутривидовое единство (в отличие от говора территориальная непрерывность распространения диалекта не является его обязательным признаком); язык - это множество диалектов, допустимые различия между которыми могут в значительной мере варьировать и зависеть не только от чистоязыковых факторов, но и от социальных параметров (языкового самосознания носителей языка, наличия или отсутствия единой письменности, социальной престижности диалектов, численности носителей диалектов и традиции).

Существующие и развивающиеся языки выступают в высшую форму своего существования - форму литературного языка, характеризующегося

социально регламентированной нормированностью и наличием более или менее широкого диапазона функциональных стилей. (Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. стр. 604606).

Язык функционирует в качестве полноценной коммуникативной системы, возникшей и развившейся как средство, структурно независимое от других форм общения. Эта полноценность не только связана с необходимостью осуществлять взаимопонимание общающихся индивидуумов, но и детерминирована развитием познавательной деятельности человека, его способностью объективно отражать окружающий мир, открывающийся ему в процессе практической деятельности.

Непосредственная связь языка с мышлением может базироваться только на их структурном изоморфизме, что заранее налагает условия на язык как структурно завершенное средство выражения мышления, а следовательно, общественного сознания и, следовательно социального общения.

В познавательной деятельности человека язык участвует в такой же степени, как и мышление, ибо только язык репрезентирует добытые в практической деятельности человека знания, а эта непосредственная связь языка и мышления может покоиться только на полном совпадении структур, что и предопределяет, в свою очередь, абсолютную полноту языковой организации. Это принципиальное соображение является основанием для утверждения о полноценном характере языкового выражения мышления и его независимости от всех других средств общения.

Не ущербность языка является предпосылкой использования паралингвистических средств общения, а лишь второстепенные факторы, характерные для конкретного коммуникативного процесса. Все сопровождающие речевой акт формы общения, включая прежде всего паралингвистические, являются факультативными. Языковое общение без

этих форм вполне возможно, как возможно и полное развертывание в чистую языковую форму любого коммуникативного акта.

Общение же исключительно средствами параязыка невозможно. Паралингвистические средства являются в этом смысле чисто надстроечной категорией, не затрагивающей саму основу языковой системы. К этим надстроечным факторам относятся особенности конкретной ситуации общения, экономия языковых форм, безграничные возможности эвристического мышления человека, восстанавливающего полностью содержание высказывания по элементарным конструктивным схемам (догадка, подразумевание, предварительное знание предмета сообщения ит.д.), и естественная связь звукового языка с формами восприятия мира человеком (слух, зрение и т.д.).

Связь языка всеми сопровождающими формами общения человека не является органически необходимой, но она существует в силу единой биологической организации человека. Как в любом виде деятельности человека функционирует целый ряд органов, так и в языковом общении участвует, по меньшей мере, два тесно взаимосвязанных вида чувственного механизма - зрение и слух. Поэтому как в силу исторически обусловленного совместного развития органов зрения слуха, так и в силу развития языка человека (качественно новой формы общения), взаимодействия слуховых, зрительных и моторных форм передачи информации должно было сохраниться на базе членораздельного звукового языка. Это взаимосвязь не влияет на сущность языка, как самостоятельной и единственной формы общения разумного человека.

Использование фонационных и кинетических форм проведения звуковой речи является простым следствием антропологического характера языка. В процессе эволюции человек, хотя он и уходит, как известно, своими корнями в родословную приматов, достиг в сфере животного мира качественно новой ступени. Паралингвистическая сущность определенных средств коммуникации связана с развитием ранее

нечленораздельных форм общения в животном мире и постепенным возникновением в человеческом обществе принципиально нового средства общения - членораздельного языка.

Язык человека приобрел совершенно новое качество как в гносеологическом, так и в социальном плане. Абстрагирующий характер языка потребовал совершенно новой структуры, но он не устранил тех притивных биологических форм общения, которые были свойственны его предкам. Вот почему паралингвистические свойства языка человека в принципе составляют неотъемлемую часть коммуникации; они являются биологически детерминированными сущности чисто человеческого средства общения - языка.

На современной стадии развития человеческого общества и его языка такое взаимодействие языковых и паралингвистических средств сформировало прагматический характер языка в общечеловеческом и национальном масштабе.

Общечеловеческие черты в этой прагматике будут относиться как некоторая универсалия к конкретным системам. Напр., жесты как таковые - это общие качества, характерные для функционирования звукового языка; но особая система жестов будет относиться к данному национальному характеру паралингвистических средств, ибо она в каждом языке, у каждого народа приобретает свой особый особенностей паралингвистических форм участвующих в языковом общении, является поэтому такой же необходимостью, как и изучение самого языка.

Паралингвистические условия использования языка могут быть объяснены в рамках некоторых подсистем, но «нечленораздельность» самых этих средств и особенности их индивидуального употребления, национальной подсистемы, создают непреодолимые препятствия для формализации языка с учетом его взаимодействия с паралингвистическими средствами.

В большой степени невозможность формализации существенных

признаков языка, его качественные особенности в ряду семиотических систем (характер семантики языка) и составляют те факторы, которые отличают в принципе естественный язык от искусственного. Ни один логический язык не может быть подобием естественного языка не только в плане очищения от возможной многозначности употребления его форм, но и в плане отрыва его от всех присущих ему антропологических паралингвистических форм, сопровождающих речевой акт (М.С. Козлова. Философия и язык. М., 1972, стр. 59).

Вовлечение в область лингвистического исследования функции прагматики является необходимым и плодотворным как для чистого языкознания, где такие проблемы, как структура живой речи, особенности диалога, форм эллипса и т.д., представляют значительный интерес для теории языка, так и для прикладной лингвистики, где разработка вопросов обучения языку практически немислима без обучения всем формам владения языком, включая и паралингвистические особенности соответствующего иностранного языка.

Все указанные выше особенности использования паралингвистических средств в языковом общении приводят к выводу о том, что, несмотря на самостоятельный характер структуры языка, его системной организации, полное изучение языка может быть достигнуто только при учете всех конкретных особенностей его функционирования, включая прежде всего использование паралингвистических средств.

Важной особенностью искусственных знаков науки является отвлечение в них от прагматических связей с субъектом, что способствует объективному описанию действительности.

Описание «кинетической активности» человека приобретает характер систематизации употребления жестов в различных ситуациях (жесты в речи, лекции, театре, пантомиме, немом кино), собственно паралингвистический подход перекрывается общесемиотическими задачами исследования кода (его словаря, грамматики), что выходит уже за

рамки лингвистики.

Выводы

Паралингвистика, как раздел языкознания, означает совокупность невербальных средств, участвующих в речевой коммуникации. Паралингвистические средства не только дополняют смысл вербального сообщения, но и являются источником информации о говорящем (пишущем) о его социальных и возрастных чертах пола, свойствах характера и прочие.

Паралингвистические средства не являются автономной и замкнутой семиотической системой, но могут быть как элементами упорядоченных семиотических невербальных систем, так и отдельными неупорядоченными в систему показателями. Взаимодействие языковых и паралингвистических средств, безусловно, раскрывает функции языковых форм, прежде всего их многозначность, стилистические оттенки и т. д. Таким образом, происходит соприкосновение и стыкование двух систем: первичной - языковой, и вторичной - паралингвистической как функционально языковой. В связи с этой задачей паралингвистики является изучение возможного свертывания структуры высказывания в условиях реального общения и анализ неязыковых элементов, служащих опорой для эксплицитного развертывания конкретного высказывания при восприятии сообщения.

Привлечение паралингвистических средств к участию в коммуникации диктуется не ущербностью языковой системы, каким-либо пробелом в её структуре, а лишь обстоятельствами внешнего порядка, связанными с характером коммуникации. Внутренняя основа паралингвистики кроется в функциональном использовании языка как относительно самостоятельной системы, а психологический механизм, порождающий употребление паралингвистических средств, не является непосредственным объектом исследования самой паралингвистики.

Роль паралингвистических средств в осуществлении коммуникации, оценивается в плане правомерности расчленения содержания высказывания, осуществляемого языковыми средствами, на рациональный и эмоциональный пласты в онтологическом плане. Можно утверждать, что передаваемая информация, независимо от её характера, всегда будет представлять собой синтез, т.е. некоторое нерасчлененное по своей сущности единое содержание.

Эмоциональное содержание высказывания по своему существу связано с психикой человека, естественно ожидать, что доминирующим паралингвистическим средством будут жесты и мимика как непосредственные формы внешнего проявления переживаний человека.

Общefonационные признаки голоса, включая интонацию не грамматического характера, относятся уже к другой сфере, где требуется анализ в паралингвистическом плане. При исследовании свойств речевой фонации мы обнаруживаем возможность рассмотрения проблемы в четырех аспектах:

5. Первый аспект является чисто языковым, ибо он связан с изучением артикуляции языковых единиц и относится поэтому к компетенции собственно лингвистики.

6. Второй аспект также связан с изучением артикулируемой речи, но не отдельных звуков как таковых, а супрасегментных отрезков, к которым прежде всего относятся интонация и фразовое ударение как элементы языкового обнаружения структуры высказывания. Этот аспект рассматривается, как и первый, в сфере собственно лингвистики.

7. Третий аспект не связан непосредственно с изучением артикуляции и выявлением структурных элементов высказывания, а исследует артикуляцию как некоторый просодический признак, обнаруживающий общие условия коммуникации (выявление таких признаков конкретного процесса коммуникации, как уверенность или сомнение, грубость или деликатность говорящего, и т.д.). В каждом

языковом коллективе складывается определенный стереотип этих просодических признаков коммуникации, который входит в понятие коммуникации как некоторая подсистема наравне с подсистемой жестов, мимики, но с функцией не структурного оформления высказывания, а передачи некоторого фонационного стереотипа надфразового характера. Этот третий аспект может рассматриваться поэтому как маргинальный случай паралингвистического использования фонационных возможностей человека.

8. Четвертый аспект - исследование речевой фонации как чисто психофизического явления, не имеющего отношения к речевой артикуляции и обнаруживающего лишь психофизическое состояние говорящего субъекта (раздражение, нервозность и т.д.).

Однако явления, раскрывающие психофизическое состояние человека, как и некоторые жесты и мимика, не входят в подсистему языковой коммуникации и могут протекать даже без участия языка, не сопровождаться речевыми актами, следовательно не зависимы от языка, поэтому и не рассматриваются как средства паралингвистики

Надо отметить, что все паралингвистические средства могут быть объединены только по своей функции, т.е. по функции участия в формировании информации речевого высказывания, и не по своему материальному статусу. Одни и те же материальные формы “неязыкового поведения” (nonverbal behavior) человека, с одной стороны, должны рассматриваться паралингвистической, а с другой стороны - любой другой отраслью науки (например, генетикой и т.д.). С этой точки зрения, изучение жестов можно проводить в аспектах: биологическом, культурно-историческом, этнографическом и паралингвистическом.

Набор любых паралингвистических средств является не произвольным, а систематизированным и внутренне приспособленным к характеру вербального высказывания. Только эта связь словесной структуры и паралингвистической характеристики дает возможность

декодировать каждое конкретное сообщение.

Роль ситуации в устном общении сводится к тому, что она снимает всё избыточные средства, которые в условиях письменного общения должны быть раскрыты в высказывании. В устном общении зрительные и слуховые восприятия дают возможность без дополнительного разъяснения однозначно воспринимать информацию.

Следует отметить, что при рассмотрении взаимодействия языка с неязыковыми средствами коммуникации жестов имеющие семиотический характер мимики теряет свои свойства в связи с тем, что использование этих средств происходит не за счет внутренней структуры этой системы в целом, а на основе компенсационного взаимодействия языковых и неязыковых средств при общении людей.

Вовлечение в область лингвистического исследования функции прагматики является необходимым и плодотворным как для чистого языкознания, где такие проблемы, как структура живой речи, особенности диалога, форм эллипса и т.д., представляют значительный интерес для теории языка, так и для прикладной лингвистики, где разработка вопросов обучения языку практически немислима без обучения всем формам владения языком, включая и паралингвистические особенности соответствующего иностранного языка.

Указанные выше особенности паралингвистических средств приводят к выводу о том, что, несмотря на самостоятельный характер структуры языка, его системной организации, полное изучение языка может быть достигнуто только при учете всех конкретных особенностей его функционирования, включая прежде всего использование паралингвистических средств.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунок 1 – Невербальные средства общения

Таблица.1 – Сравнительные характеристики невербальной и вербальной коммуникации

<i>Невербальная коммуникация</i>	<i>Вербальная коммуникация</i>
<p>Обмен сообщениями о том, что происходит «здесь и сейчас», в рамках конкретной ситуации с людьми, вступившими в непосредственное взаимодействие</p>	<p>Обмен сообщениями, которые могут существовать помимо передающего их человека (например, в пересказе или в виде текста), позволяют информировать об отсутствующих предметах или явлениях</p>
<p>Невербальные сообщения трудно разложимы на отдельные единицы, их ядро составляют самые разнообразные движения тела, лица, голоса, пространственных перемещений и т.д.</p>	<p>Составные элементы вербального сообщения (буквы, слова, предложения, фразы) четко отделены друг от друга, их соотношение подчинено определенным правилам</p>
<p>Невербальное поведение спонтанно, произвольные движения преобладают над произвольными, неосознаваемые над осознаваемыми</p>	<p>Вербальные высказывания в значительной степени осознаны, их легче подвергнуть анализу, оценить, понять, проконтролировать</p>
<p>Невербальный язык люди, как правило, усваивают успешно сами путем наблюдения, копирования, подражания</p>	<p>Говорить детей учат специально, семья и общество уделяют этому достаточно много времени и сил</p>

Таблица 2 – Мимические коды эмоциональных состояний

Части и элементы лица	Эмоциональное состояние					
	Гнев	Презрение	Страдание	Страх	Удивление	Радость
Положение рта	Рот открыт	Рот закрыт		Рот открыт		Рот обычно закрыт
Губы	Уголки губ опущены			Уголки губ приподняты		
Форма глаз	Глаза прищурены или раскрыты	Глаза прищурены		Глаза широко раскрыты		Глаза прищурены или раскрыты
Яркость глаз	Глаза блестят		Глаза тусклые	Блеск глаз не выражен		Глаза блестят
Положение бровей	Брови сдвинуты к переносице			Брови подняты вверх		
Уголки бровей	Внешние уголки бровей подняты вверх			Внутренние уголки бровей подняты вверх		
Лоб	Вертикальные складки на лбу и переносице			Горизонтальные складки на лбу		
Подвижность лица и его частей	Лицо динамичное		Лицо застывшее			Лицо динамичное

Таблица. 3. Акустические составляющие голоса и эмоциональные параметры.

(Исследование Шерера, который обобщил свой прогноз на 12 различных эмоций (раздражение/холодный гнев, горе /отчаяние, энтузиазм/радость и др.) и 18 различных акустических переменных (в их числе средняя основная частота, изменения громкости, скорость речи и др.)).

Колебания амплитуды	Умеренные	Приятность, активность, счастье
	Сильные	Страх
Колебания высоты	Умеренные	Гнев, скука, отвращение, страх
	Сильные	Приятность, активность, счастье, удивление
Контур высоты	Вниз	Приятность, скука, печаль
	Вверх	Могущество, гнев, страх, удивление
Высота	Низкая	Приятность, скука, печаль
	Высокая	Могущество, гнев, страх, удивление, активность
Темп	Низкий	Скука, отвращение, печаль
	Высокий	Могущество, гнев, страх, удивление, приятность, счастье, активность
Интонация	Плавная	Могущество, скука, отвращение, страх, печаль
	Отрывистая	Приятность, активность, счастье, удивление
Степень фильтрации (недостаток обертонов)	Низкая	Печаль, приятность, скука, счастье
	Умеренная	Могущество, активность
	Сильная	Гнев, отвращение, страх, удивление
Тональность	Атональный голос	Отвращение
	Минор	Гнев
	Мажор	Приятность, счастье
Ритм	Аритмичность	Скука
	ритмичность	Активность, страх, удивление

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Каримов И.А. Ватан саждагоҳ каби муқаддасдир. – Тошкент :1995 –140 б.
2. O‘zbekiston Respublikasi Prezidentining «Chet tillarni o‘rganish tizimini yanada takomillashtirish chora-tadbirlari to‘g‘risida»gi qarori («Xalq so‘zi» gazetasi, 11.12.2012 y., 240 (5660)-son)
1. Абдуазизов, А.А. О статусе и критериях установления паралингвистических средств / А.А. Абдуазизов // Филологические науки. - 1980. - С. 66-71
2. Гридин, В.Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка / В.Н. Гридин; М.: Наука, 1982. - 150 с.
3. Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации . - М.: Дрофа, 1997. - 166 с.
4. Головин Б.И. Введение в языкознание. – М.: Комт Книга, 1977. – 232 с.
5. Гречко В.А. Теория языкознания: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2003. – 375 с.
6. Гуревич В. В. Фразеологический русско-английский словарь . - М.: Владос, 1995. - 584 с.
7. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. - 312 с.
8. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. – М.: Просвещение,1985. – 492 с.
9. Бушуй Т., Сафаров Ш. Тил курилиши: таҳлил методлари ва методологияси. –Тошкент:.. Фан, 2007. – 234 б.
10. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретируемого подхода / В.З. Демьянков // Вопросы языкознания. - 1994. - С. 17-34.
- Колшанский, Г.В. Паралингвистика / Г.В. Колшанский. - М.: Наука,

1974. - 81 с.
11. Куклина, Т.В. Психо- и прагматические аспекты речевого поведения авторов: дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Куклина; ИУБиП. - Ростов н / Дону, 2000. - 465 с.
 12. Лабунская, В.А. Психология экспрессивного поведения / В.А. Лабунская; - М.: Знание, 1989. - 64 с.
 13. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев; - М.: Смысл, 1997. - 287 с.
 14. Панферов, В.Н. Восприятие и интерпретация внешностей людей / В.Н. Панферов // Вопросы психологии. - 1984. - С. 59-64
 15. Пиз, А. Язык телодвижений / А. Пиз. - Нижний Новгород: Ай Кью, 1992. - 262 с.
 16. Рахматуллаев Ш. Ўзбек тилининг фразеологик луғати. –Тошкент: Ўқитувчи, 1978. - 406 б.
 17. Резникова, Н.А. Семантический анализ политической лексики // Вестник ТГПУ. - 2005. - №4(48). - С. 49-54.
 18. Реформатский, А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 536 с.
 19. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. - Самарканд: СамГУ, 1973. – 223 с.
 20. Сафаров Ш. Когнитив тилшунослик. – Жиззах: Сангзор, 2006. – 91 б.
 21. Симонов, П.В. Теория отражения и психофизиология эмоций / П.В. Симонов. - М.: Наука. 1980. - 140 с.
 22. Филиппов, А.В. Звуковой язык и «язык» жестов / А.В. Филиппов. - М.: МОПИ, 1985. - 48 с.
 23. Фрейд, З. Я и Оно. Психология бессознательного / З. Фрейд. - М.: Просвещение, 1999. - 496 с.
 24. Чанышева, З.З. Лексические средства обозначения паралингвистических компонентов речи в современном английском языке: дис.... канд. филол. наук / Чанышева З.З. - М.: [Б. и.], 1989. -

223 с.

25. Шаховский, В.И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода. Тетради переводчика: научно-теоретический сборник / И. Шаховский. - М.: Высшая школа, 1989. - С. 75-83.
26. Языкознание. Большой энциклопедический словарь/Под ред. В.Н. Ярцевой. -2-е изд. - М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. - 688 с.
27. Blokh M.Y. Theoretical English Grammar. -Moscow: Prosvesheniye, 1983. -384 p.
28. Ilyish B.A. The structure of Modern English. - Л.: Просвещение, 1971. - 366 с.
29. Iriskulov A.T. Theoretical Grammar of English-Tashkent, 2006. - 146 p.
30. Jon R. Stone. The Routledge Book of World Proverbs. USA and Canada, 2006. -543 p.
31. Joseph Galasso. Analyzing English Grammar: An Introduction to Feature Theory- California State University, Northridge 2002. - 341 p.
32. Judith Siefring. The Oxford Dictionary of Idioms. - Oxford: OUP, 2004. - 673 p.
33. Parret H. Semiotics and Pragmatics: An Evaluative Comparison of Conceptual Frameworks. - Amsterdam; Philadelphia, 1983.
34. Ekman, P. Emotion in the Human Face/ P. Ekman, W.V. Friesen, P. Ellswort. - Pergamon Press, 1982. - 191 p.
35. Ekman, P. Unmasking the Face: a Guide to Recognizing Emotions from Facial expressions / P. Ekman, W.V. Friesen. - New Jersey, 1985. - 211p.
36. Hall, E.T. The Hidden Dimension / E.T. Hall. - New York: Anchor Books 1989. - 217 p.

Веб-сайты

<http://www.krugosvet.ru>

<http://rusnl.3dn.ru/publ/25-1-0-26>

http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ALLYUZIYA

http://lib.aldebaran.ru/author/lanlinskii_nasmeshnik

<http://www.chitaem-vmeste.ru>

<http://www.econf.rae.ru/pdf/2009/11/08d98638c6>

[www.ziyouz.com kutubxonasi](http://www.ziyouz.com/kutubxonasi)